

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Дик Фрэнсис
ИГРА
БЕЗ КОЗЫРЕЙ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Сид Холли

Дик Фрэнсис

Игра без козырей

«Азбука-Аттикус»

1965

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Игра без козырей / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус»,
1965 — (Сид Холли)

ISBN 978-5-389-22242-7

Дик Фрэнсис (1920–2010) – один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек – Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22242-7

© Фрэнсис Д., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дик Фрэнсис

Игра без козырей

Dick Francis

ODDS AGAINST

Copyright © 1965 by Dick Francis

© Д. М. Прошунина (наследник), перевод, 1999

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Я не очень дорожил работой, пока не получил пулю в живот и чуть не потерял эту работу вместе с жизнью. Но кусок свинца тридцать восьмого калибра превратил мои кишки в перечницу, и я остался лежать на полу с таким пожаром в животе, какого еще никогда не испытывал. Впрочем, иначе я бы никогда не встретил Занну Мартин и до сих пор крепко держался бы за паутинку минувших радостей, никому не нужный и, главное, надоевший самому себе.

Эта пуля стала первым шагом к освобождению, но тогда я так не думал. Я подставил себя под выстрел потому, что мне было на все наплевать. А плевал я на все потому, что мне было скучно.

В больнице я, понемногу придя в себя, обнаружил, что нахожусь в отдельной палате, за которую несколько дней спустя получил фантастический счет. Едва открыв глаза, я уже пожалел, что не попрощался с этим миром насовсем. Кто-то разжег у меня в животе костер.

Прямо над моей головой шла беседа в раздраженных тонах. После наркоза путанные мысли вяло дрейфовали в мозгу, будто облака в летнем небе. Без всякого энтузиазма я попытался понять, о чем идет спор.

– Нельзя ли ему что-нибудь дать, чтобы он быстрее проснулся?

– Нельзя.

– Понимаете, мы ничего не можем сделать, пока не услышим от него, что произошло. Уже почти семь часов, как вы закончили операцию.

– А до этого он четыре часа лежал на операционном столе. Вы хотите закончить то, что начал выстрел?

– Доктор...

– К сожалению, вам придется подождать.

«Этот парень на моей стороне, – подумал я. – Пусть подождут. Зачем мне спешить в этот скучный мир? Почему бы не проспать целый месяц и, когда они погасят этот костер в животе, вернуться к обычным делам?»

Я нехотя открыл глаза.

Оказывается, была ночь. Электрический шар сиял посреди потолка. Теперь посчитаем. Когда рассылный Джонс нашел меня, истекающего кровью, на полу офиса и побежал к телефону, было утро. Значит, с тех пор, как мне сделали первый укол, прошло двенадцать часов. Интересно, хватит ли двадцати четырех часов паникующему неудачливому проходимцу, чтобы незамеченным удрать из страны?

Слева от меня стояли два полицейских – один в форме, другой в штатском. Оба блестели от пота, потому что в палате было очень жарко. Доктор справа переливал что-то из бутылки в колбу, откуда жидкость по трубочке текла мне в руку. Другие трубочки тянулись к нижней части тела, наполовину прикрытые марлей. Капельница и дренаж... Мысленно я усмехнулся. Очаровательно.

Рэднор стоял в ногах кровати, смотрел на меня и не принимал участия в продолжающемся споре между медициной и законом. Никогда бы не поверил, что стою так дорого: сам шеф пришел ко мне в больницу. Но потом я понял, что не каждый день кто-либо из его служащих устраивает такие неприятные спектакли.

– Он пришел в сознание, – сказал Рэднор. – И глаза не такие затуманенные, как раньше. Теперь мы, наверно, услышим от него что-то осмысленное. – И он взглянул на часы.

Доктор склонился надо мной, пощупал пульс и кивнул:

– Пять минут. Ни секундой больше.

Полицейский в штатском на долю секунды опередил Рэднора:

– Можете сказать, кто в вас стрелял?

К моему удивлению, говорить было ужасно трудно, но не так, как утром, когда они задавали мне тот же вопрос. Тогда я вообще не мог выговорить ни слова, потому что далеко ушел из этого мира. Теперь я вступил на путь, ведущий назад, но прошел совсем немного. Полицейский несколько раз повторил свой вопрос и долго ждал, пока я выговорю ответ:

– Эндрюс.

Имя ничего не значило для полицейского, но Рэднор выглядел удивленным и разочарованным:

– Томас Эндрюс?

– Да.

– Я уже говорил вам, что Холли, вот он, и другой мой оперативник устроили засаду, чтобы раскрыть одно дело, которое мы расследуем. По-моему, они надеялись поймать крупную рыбу, а получилось, что наживку схватила мелюзга, – объяснил полицейским Рэднор. – Эндрюс – мелкая сошка, слизняк, его использовали в основном как рассыльного. Никогда бы не подумал, что он носит оружие и может выстрелить.

И я тоже не думал. Эндрюс неумело вытащил револьвер из кармана куртки и трясущейся рукой направил на меня. Ему пришлось нажать на курок двумя руками. Если бы я не увидел, что на нашу наживку клюнул всего лишь Эндрюс, то никогда бы не вышел из темноты умывальной комнаты. Я собирался спросить у него, зачем он в час ночи вломился в офис агентства Ханта Рэднора. Мне и в голову не приходило, что он решится напасть на меня, а тем более выстрелить.

Когда я наконец понял, что он и в самом деле готов спустить курок, а не просто машет револьвером для пущего эффекта, было уже поздно. Едва я повернулся, чтобы выключить свет, как пуля по диагонали прошла через мое тело.

Когда я упал, он, всхлипывая и охая, на заплетающихся ногах побежал к дверям с побелевшим от испуга лицом и заячьим страхом в глазах. Он сам не верил в то, что сделал, и был почти в таком же ужасе, как я.

– Когда был сделан первый выстрел? – спросил полицейский.

– Примерно в час ночи, – после паузы ответил я.

Доктор глубоко вздохнул. Он мог не говорить, я и так знал, как мне повезло, что я остался жив. Слабея с каждой минутой, я лежал на полу холодной сентябрьской ночью и с отвращением глядел на бесполезный телефон. Все телефоны в офисе работали через коммутатор. «С таким же успехом можно добраться до луны», – думал я, представляя длинный коридор, винтовую лестницу и дверь в дежурку, где крепко спала телефонистка.

– Описание Томаса Эндрюса я узнаю у кого-нибудь другого, – сказал полицейский, записав в блокнот мой ответ. – Но я был бы рад, сэр, если бы вы вспомнили, во что он был одет.

– Черные джинсы. Очень тесные. Оливковый свитер. Поношенная черная куртка. – Я помолчал. – Черный меховой воротник. Черная с белым клетчатая подкладка. Все потертое... и грязное. – Я опять помолчал, набираясь сил. – Револьвер у него был в кармане куртки справа... Он унес его с собой...

– Ботинки?

– Не видел.

– Что-нибудь еще?

Я подумал.

– Какие-то нашивки... Название клуба, череп и скрещенные кости, что-то вроде этого... на куртке, на левом рукаве.

– Понимаю. Хорошо, теперь мы начнем работать. – Он захлопнул блокнот, улыбнулся и быстро направился к двери, за ним его коллега в форме и Рэднор – наверное, чтобы дать описание Эндрюса.

Доктор опять пощупал у меня пульс, проверил, как поступает жидкость из капельницы, и на его лице отразилось удовлетворение.

– У вас лошадиный организм, – весело сказал он.

– Нет, – возразил вернувшийся Рэднор. – Лошади – очень деликатные создания. У Холли организм жокея. Жокея стипль-чеза, кем он и был раньше. Его тело способно гасить удары, оно привыкло ко всяким переломам, ушибам, травмам, которые он получал на скачках.

– А что случилось с его рукой? Упал, когда брал препятствие?

Рэднор быстро взглянул на меня и тут же отвел глаза. В офисе никто и никогда не упоминал о моей руке. Никто, кроме моего коллеги Чико Бернса, с которым мы вместе решили, что нужна засада. Но тот вообще никогда не задумывался над тем, что говорит.

– Да, – почти не разжимая губ, произнес Рэднор. – Именно так. – Он переменял тему разговора: – Ну, Сид, когда встанете на ноги, загляните ко мне. А пока набирайтесь сил.

Он неуверенно кивнул, потом они с доктором переглянулись и направились к двери, перед которой потоптались еще немного, уступая друг другу дорогу.

Ага, значит, Рэднор не очень торопится снова взять меня на работу. Если бы у меня хватило сил, я бы улыбнулся. Когда он предложил мне место у себя в агентстве, я сразу догадался, что это мой тесть подергал где-то за нужные ниточки. «Почему бы и нет?» – решил я. Мне на все было наплевать.

«Почему бы нет?» – так я ответил и Рэднору, и он взял меня в отдел скачек для розыскной работы. Его вроде бы не смущало, что у меня совершенно нет опыта. Другим же сотрудникам он объяснил, что меня следует использовать в качестве консультанта, поскольку я прекрасно знаю правила игры. Сотрудники восприняли его слова сдержанно. Наверно, они понимали, как понимал и я, что работу мне дали из жалости. Возможно, они думали, что меня распирает от гордости, поскольку я заслужил жалость в такой завуалированной форме. Но меня не распирало. В той форме или в другой – мне было наплевать.

Агентство Ханта Рэднора состояло из отделов, занимавшихся розыском пропавших лиц, разводами и охраной имущества. Оно также предоставляло клиентам телохранителей и караульных для скаковых лошадей. Был и еще один отдел – почти такой же большой, как все остальные, вместе взятые, – который назывался *Bona fides*¹. Его работа заключалась в постоянном и тщательном сборе сведений о людях, компаниях, фирмах, которые интересовали клиентов. Иногда такое расследование приводило к гражданским делам в суде или к разводу. Но чаще отдел *Bona fides* просто посылал заказчикам отчеты с интересующими их сведениями. Уголовные дела встречались крайне редко. Случай с Эндрюсом оказался единственным за три месяца.

Любимым детищем Рэднора был отдел скачек. Мне рассказывали, что, когда Рэднор после Второй мировой войны, получив армейское пособие, купил агентство, этого отдела не существовало. Он сумел превратить убогий офис, размещавшийся в трех комнатах, в поистине британское учреждение. Для рекламных буклетов он выбрал девиз: «Быстрота. Эффективность. Тайна». И агентство строго следовало этому девизу, а клиенты получали все, что хотели. До войны Рэднор сам участвовал в скачках как любитель. Скачки были основной страстью его жизни, и он сумел убедить Жокей-клуб и Национальный охотничий комитет, что его агентство способно оказывать им неоценимые услуги. Солидные организации вначале осторожно попробовали дно, но, убедившись, что брод надежный, заключили союз с Рэднором. Отдел скачек процветал. В конце концов частное детективное агентство Рэднора превзошло официальный отдел расследований при Национальном охотничьем комитете. А когда Рэднор начал обеспечивать охрану лошадей-фаворитов перед скачками, конкурентов у него не осталось.

К тому времени, когда я пришел в фирму, отдел скачек и *Bona fides* так разрослись, что каждый из них занимал целый этаж. За вполне приемлемую плату тренер мог здесь узнать

¹ Добросовестность (лат.). – Здесь и далее примеч. перев.

характер и прошлое владельца, лошадей которого он предполагал тренировать, букмекер мог проверить надежность клиента, клиент – букмекера, каждый – каждого. Фраза «Проверено у Рэднора» вошла в сленг участников и зрителей скачек. Это значило: неподдельный, заслуживающий доверия. Я даже слышал, как этой фразой оценивали лошадь.

Мне никогда не поручали дела *Bona fides*. Эту работу выполняли неприметные отставные полицейские средних лет, которым требовалось минимум времени для получения максимальных результатов. Меня никогда не посылали сторожить ночью бокс с лошадью-фаворитом, хотя я охотно выполнял бы такие задания. Меня никогда не включали в команду, которой предстояло следить за безопасностью лошадей на ипподроме. Если распорядители скачек просили прислать оперативников, чтобы не спускать глаз с нежелательной на соревнованиях персоны, то ехал на ипподром не я. Если кто-то вылавливал мошенников в зале тотализатора, то это тоже был не я. Рэднор всегда одинаково объяснял, почему он не дает мне подобных заданий. Во-первых, я был слишком известен в мире скачек, чтобы остаться на ипподроме незамеченным. И во-вторых, он не может позволить себе давать бывшему жокею-чемпиону задания, которые роняли бы его престиж, хотя мне и было наплевать.

В результате почти весь день я слонялся по офису или читал донесения других. Если кто-нибудь просил у меня совета, а предполагалось, что ради этого я и околачиваюсь в конторе, то он получал совет. Если меня просили разъяснить какие-то тонкости в правилах, то я их разъяснял. Постепенно я познакомился почти со всеми оперативниками и знал все слухи, которые они приносили в офис. У меня всегда было время. Если я просил среди недели выходной и проводил его на скачках, никто не упрекал меня. Иногда у меня мелькала мысль: заметил бы кто-нибудь мое отсутствие, если бы я не предупредил о нем?

Время от времени я обращал внимание Рэднора на то, что его никто не обязывает держать меня в агентстве, ведь я не отрабатываю своего жалованья. Но каждый раз он говорил, что его устраивает сложившееся положение вещей. У меня создалось впечатление, что он выжидает, но если не того момента, когда я уйду, то чего же? Я не знал. В тот день, когда я получил пулю от Эндрюса, исполнилось ровно два года моей своеобразной службы в Ассоциации Ханта Рэднора.

Пришла сестра, снова наполнила капельницу, измерила мне давление. Чопорная и профессиональная, она улыбалась, но не проронила ни слова. Я ждал, не скажет ли она, что жена сидит в приемной и тревожится о моем состоянии. Но сестра ничего не сказала. Моя жена не приходила и не придет. Если я не мог удержать ее, когда был в полном порядке, то о чем можно мечтать полумертвому?

Дженни. Моя жена. Все еще моя жена, хотя уже три года мы жили отдельно. Сожаление о прошлом удерживало нас от последнего шага к разводу. Мы пережили страсть, восторг, раздоры, злость и бурные ссоры. Осталось только сожаление, да и то не такое сильное, чтобы привести ее в больницу. Слишком часто она видела меня в больницах и раньше. Дженни уже не воспринимала белые халаты и капельницы как драму, как удар. Она не придет. Не позвонит. Не пришлет записку. Глупо с моей стороны ждать от нее такого.

Время тянулось медленно, и меня это не радовало. Но постепенно все капельницы, кроме одной, убрали, и я начал поправляться. Полиция не нашла Эндрюса, Дженни не пришла, машинистка Рэднора прислала мне красиво напечатанные открытки с пожеланием здоровья, а больница – счет.

Однажды вечером появился Чико: руки в карманах, на лице – обычная снисходительная ухмылка. Он не спеша оглядел меня и улыбнулся, будто ничего и не случилось.

– Вместо меня она досталась тебе, дружище, – сказал он.

– Пошел к черту.

Чико засмеялся. И было чему. Я в ту ночь дежурил в офисе потому, что он пошел на свидание с девушкой. Иначе пуля Эндрюса могла бы превратить в перечницу его кишки, а не мои.

– Эндрюс, – задумчиво протянул он. – Кто бы мог подумать? Этот маленький вонючий трус. Но все равно, если бы ты сделал, как я тебе сказал, – сидел бы спокойно в умывальной и наблюдал за тем, что он делает, – мы бы потом поймали его. Легко и без лишних хлопот. И ты, как всегда, слонялся бы без дела по офису, а не валялся тут.

– Что теперь говорить, – отмахнулся я. – А что бы ты сделал на моем месте?

– Наверное, то же, что и ты, – фыркнул Чико. – Мне бы хотелось подвесить ему один-два хвоста из отставных полицейских и посмотреть, куда он пойдет, кто его послал.

– А теперь мы не знаем.

– Не знаем, – вздохнул он. – И шеф не очень доволен этой историей. Он знал, что я собираюсь использовать офис как ловушку, но считал, что мышеловка не сработает. И получилось, что он оказался прав. Ему все это не нравится. Они могли бы подложить в офис бомбу, говорит он, а не посылать трусливого воришку. Шеф склонен отступить, спустить дело на тормозах. И конечно, этот идиот Эндрюс, когда влезал, разбил стекло, и, видимо, мне придется заплатить. Представляешь, этот маленький паршивец не сумел открыть задвижку.

– Я заплачу за стекло, – сказал я.

– Да уж, – усмехнулся он. – Я так и рассчитывал, что ты заплатишь, если я скажу тебе об этом.

Чико прошелся по палате, рассматривая обстановку. Хотя рассматривать особенно было нечего.

– Что это за бутылка, из которой капает тебе в руку?

– Насколько я могу судить, что-то вместо еды. Мне тут ни разу не давали есть.

– Боятся, наверно, что кишки опять прохулятся.

– Да, наверно.

– А почему у тебя нет здесь телевизора? – Он обвел глазами палату. – Тебе стало бы веселее, если бы ты увидел, как другие глупые ублюдки получают пулю. Разве нет? – Он посмотрел на картонку, висящую в ногах на спинке кровати. – У тебя утром температура была тридцать девять и две, тебе сказали? Ты не считаешь, что ее надо сбивать до прихода сестры?

– Нет.

– Похоже, что рассыльный Джонс говорил правду. Он болтал, будто из тебя на пол вытекло столько крови, что можно было бы сделать несколько маленьких пудингов.

Я не оценил чувство юмора Джонса.

– Ты вернешься в агентство? – спросил Чико.

– Может быть.

Чико подошел к окну и принялся завязывать узелки на шнуре шторы. Я наблюдал за ним. Худой, сутулый, он был настолько переполнен энергией, что ни минуты не мог посидеть спокойно. Чико провел в засаде в умывальной комнате две бесплодные ночи, прежде чем на третью я сменил его. И я знал: если бы он не был так увлечен работой, то не смог бы перенести десять часов полного бездействия. В команде Рэднора Чико был по возрасту самым младшим. Он считал, что ему двадцать четыре года, но точно этого никто не знал, потому что младенцем его в детской коляске оставили на ступеньках полицейского участка.

Если бы полицейские не относились к нему по-братски, говорил Чико в минуты откровенности, то он бы воспользовался преимуществами запоздалого физического развития и стал правонарушителем. Он так и не вырос и остался невысоким, поэтому не смог стать полицейским. Казалось, он просто создан для агентства Рэднора. Чико работал блестяще, соображал быстро, и ни у кого в агентстве не было такой реакции, как у него. Он увлекался дзюдо и борьбой, но, кроме бросков и захватов, принятых на спортивной арене, знал и приемы покруче.

Хотя по росту он, наверно, был самым маленьким в агентстве Рэднора, это никак не влияло на эффективность его работы.

– Как продвигается дело? – спросил я.

– Какое дело? А, это... Ну, после того как ты получил пулю, горячка, кажется, миновала. После той ночи Бринтону не угрожали по телефону и не присылали писем. Видно, тот, кто точил на него зуб, смылся. Бринтон чувствует себя почти в безопасности и цапается с шефом по поводу платы. Еще день-два, и я сдам дело в архив. Бедный Бринтон, кто же теперь будет держать его ночью за руку, чтобы он спокойно спал? В любом случае это дело уже не мое. Завтра я полечу из Ньюмаркета в Ирландию в одном боксе с жеребцом, который стоит сто тысяч фунтов.

Сопровождать лошадей – еще одна мелкая работенка, которую мне никогда не поручали. Чико любил ее и ездил часто. После того как однажды он перебросил через стену высотой в семь футов предполагаемого злоумышленника весом пятнадцать стоунов², на него всегда был большой спрос.

– Ты обязательно должен вернуться, – неожиданно сказал Чико.

– Почему? – удивился я.

– Не знаю... – Он состроил гримасу. – Глупо, конечно, ведь ты там только ходишь и улыбаешься, но все привыкли, что ты рядом. Понимаешь, дружище, ты удивишься, но без тебя чего-то не хватает.

– Понимаю, ты шутишь.

– Ага... – Чико развязал узлы на шнуре шторы, засунул руки в карманы брюк и вдруг вздрогнул. – Бог знает почему в этой палате мурашки бегают по спине. Тут очень жарко и воняет дезинфекцией. Противно. Ты что, собираешься здесь пустить корни? Когда тебя отпустят?

– На днях, – неуверенно пробормотал я. – Счастливого пути.

– До свидания. – Чико кивнул и с облегчением ринулся к двери. – Тебе надо что-нибудь? – спросил он, взявшись за ручку. – Книги или еще что?

– Спасибо, ничего не надо.

– Ничего... В этом ты весь, Сид, дружище. Ничего не хочешь. – Он улыбнулся и исчез за дверью.

Я ничего не хотел. В этом я весь. Я имел то, что хотел больше всего на свете, и безвозвратно потерял. И я не нашел ничего взамен утраченного. Я смотрел в потолок и ждал, пока пройдет время. Я желал одного: встать на ноги и не чувствовать себя так, будто съел сто фунтов зеленых яблок.

Через три недели после того, как я получил пулю в живот, меня навестил тесть. Он пришел под вечер, принес маленький сверток и без слов положил на стол возле кровати.

– Ну, Сид, как ты себя чувствуешь? – Тесть удобно расположился на легком стуле, закинул ногу на ногу и закурил сигару.

– Поправляюсь. Более или менее. Скоро выйду отсюда.

– Прекрасно. Прекрасно. И какие у тебя планы?

– Никаких.

– Ты же не сможешь вернуться в агентство, не... э-э... выздоровев, – заметил он.

– Видимо, не смогу.

– Наверно, ты предпочел бы погреться где-нибудь на солнце, – сказал он, изучая кончик сигары. – Но я был бы рад, если бы ты провел несколько дней со мной в Эйнсфорде.

Я не сразу ответил.

² Стоун (стон) – мера измерения массы, равная 14 английским фунтам, или 6,35 кг. 15 стоунов – около 95 кг.

– А где будет?.. – начал я и замолчал в нерешительности.

– Нет, – успокоил он меня. – Ее там не будет. Она уезжает в Афины и немного поживет там с Джил и Тони. Я видел ее вчера, она просила передать тебе привет.

– Спасибо, – сухо произнес я.

Как всегда, я сам не понимал, радоваться мне или огорчаться, что не встречу со своей женой. И я не был уверен, что ее поездка к сестре Джил не носит такого же дипломатического характера, как работа Тони в министерстве иностранных дел.

– Так как? Миссис Кросс быстро поставит тебя на ноги.

– Хорошо, Чарлз, спасибо. Я с удовольствием немного побуду у вас.

Он зажал в зубах сигару, сощурил от дыма глаза и достал свою записную книжку:

– Та-ак, давай посмотрим. Предположим, тебя выпишут на следующей неделе... Нет смысла спешить, пока ты не окрепнешь, чтобы выдержать дорогу. Допустим, двадцать шестого... Хм, предположим, ты приедешь в конце недели, в субботу и в воскресенье я буду весь день дома. Тебя устраивает такой план?

– Да, очень хорошо. Если врачи согласятся.

– Да, конечно.

Он записал дату в записную книжку, спрятал ее в карман и осторожно вынул сигару изо рта. Чарлз смотрел на меня, и на лице его светилась обычная загадочная, непроницаемая улыбка. Темный деловой костюм, хорошие манеры. Контр-адмирал в отставке Чарлз Роланд. Он легко нес груз своих шестидесяти шести лет. С его военных фотографий смотрел высокий, с хорошей выправкой, худощавый человек с огромным лбом под шапкой темных густых волос. Со временем волосы его поседели и поредели, отчего лоб стал еще выше, но адмирал выглядел таким же стройным, как на фотографиях. У него были удивительно обаятельные манеры, которые иногда становились покровительственными до оскорбительности. Я на себе испытал и то и другое.

Теперь он спокойно сидел и неторопливо обсуждал новости скачек:

– Что ты думаешь об этих новых соревнованиях в Сендауне? Не знаю, как у тебя, а у меня их организация вызывает тревогу. Там слишком маленький ипподром для таких правил. И если не будет бежать Девилс Дайк, то на скачки никто не придет.

Адмирал заинтересовался конным спортом лишь несколько лет назад, однако недавно его пригласили в качестве распорядителя скачек на новые соревнования в Сендаун. Он принял предложение с большим удовольствием. Меня очень забавляло его поверхностное знакомство с проблемами и жаргоном скачек, хотя я не подавал виду. Невозможно было забыть, как враждебно отнесся он много лет назад к тому, что его дочь Дженни обручилась с жокеем, как отказался знакомиться со мной, своим будущим зятем, не пришел на свадьбу и потом долгие месяцы просто не замечал меня, не разговаривал со мной и даже не смотрел в мою сторону.

В то время мне казалось, что это явный снобизм, но такое объяснение было бы слишком простым. Конечно, он не считал меня достойным своей дочери, но не только и даже не столько из-за классового неравенства. Возможно, мы никогда не поняли бы друг друга и уж тем более не почувствовали взаимной симпатии, если бы не дождливый полдень и шахматы.

Дженни и я приехали в Эйнсфорд с одним из редких и болезненных воскресных визитов. Почти в полном молчании мы съели ростбиф. Отец Дженни смотрел в окно и барабанил пальцами по скатерти. Я мысленно решил, что вдвоем мы больше сюда не приедем. С меня хватит. В конце концов, Дженни может навещать его одна.

После ланча Дженни сказала, что, поскольку мы купили новый книжный шкаф, она хочет забрать кое-какие книги, и поднялась вверх в свою комнату. Чарлз Роланд и я с отвращением смотрели друг на друга, впереди нас ждал бесконечный скучный день. Непрекращающийся дождь лишил возможности спастись от неприятного общества в саду или парке.

– Вы играете в шахматы? – спросил он скучным голосом, явно ожидая отрицательного ответа.

– Знаю, как ходят фигуры, – таким же скучным тоном ответил я.

Он пожал плечами – это движение больше походило на судорогу, – но, видимо решив, что это все же лучше, чем поддерживать разговор, принес доску, расставил фигуры и жестом предложил мне сесть напротив. Обычно Чарлз играл хорошо, но в тот день он был раздражен и невнимателен, предвидя скуку общения со мной. Я легко выиграл партию. Он не мог поверить, что его король в ловушке. Чарлз уставился на доску и разглядывал слона, которым я объявил шах.

– Где вы учились? – наконец спросил он, не поднимая на меня глаз.

– По книгам.

– Вы часто играете?

– Нет, довольно редко. Но мне приходилось играть с очень сильными шахматистами.

– Хм... – Он помолчал. – Сыграете еще одну партию?

– Да, если хотите.

И мы начали играть. Партия продолжалась страшно долго и закончилась вничью, когда на доске фактически не осталось фигур. Через две недели он позвонил и пригласил меня приехать с ночевкой. Это была первая оливковая веточка с его стороны. Мы с Дженни стали приезжать в Эйнсфорд чаще и охотнее. Чарлз и я тотчас садились за шахматы, и каждый выигрывал столько же партий, сколько другой. Потом Чарлз стал приезжать на скачки. Ирония судьбы проявилась в том, что наше обоюдное уважение выросло настолько, что пережило крах моего брака с Дженни, а интерес Чарлза к скачкам с каждым годом становился все глубже и сильнее.

– Вчера я ездил в Аскот, – продолжал он, стряхивая пепел. – Несмотря на непогоду, публики собралось много, как обычно. Мы с Джоном Пэгеном выпили – ты его знаешь, он жокей. Симпатичный парень. Он был очень доволен, потому что на последних соревнованиях получил на шесть штрафных очков меньше, чем в предыдущий раз. После заезда на три мили поступил протест: в группе лидеров Картер прижал к барьеру фаворита – наверно, думал, что под проливным дождем этого никто не заметит. Он клялся, что сделал все возможное и просто не сумел удержать лошадь, но ему же нельзя верить, ни единому слову. Во всяком случае, стюарды решили не присуждать ему победу. Только это в их власти. Уолли Гиббонс блестяще финишировал в гандикапе, но потом все испортил в заезде новичков.

– У него руки не годятся для молодых лошадей, – согласился я.

– Да уж. Но дорожки там, конечно, хорошие.

– Лучше не бывает.

Я почувствовал приступ слабости. Ноги задрожали под простыней. Так теперь часто бывало.

– Хорошо, что Аскот принадлежит королеве, это спасает его от хищников, которые захватывают земли. – Чарлз улыбнулся.

– Да, полагаю, что так...

– Ты устал, – внезапно сказал Чарлз. – Я засиделся у тебя.

– Нет-нет. Я прекрасно себя чувствую, не беспокойтесь.

– Я хорошо знаю тебя, Сид. – Он встал и положил сигару в пепельницу. – Твое понимание фразы «прекрасно себя чувствую» не соответствует общепринятому. Если ты как следует не окрепнешь, чтобы приехать в Эйнсфорд в конце следующей недели, дай мне знать. Но я буду ждать тебя.

Он ушел, а я принялся размышлять над тем, что все еще чертовски быстро устаю. Может быть, старость. Я усмехнулся. Старость в тридцать один год. Старый, усталый, разбитый Сид Холли. Бедный старичок. Я показал потолку язык.

Пришла сестра, чтобы сделать вечерние процедуры.

– Вам принесли подарок, – весело произнесла она, будто разговаривала с умственно отсталым ребенком. – Не хотите открыть и посмотреть, что в пакете?

Я забыл о свертке, который оставил Чарлз.

– Разрешите, я развяжу пакет? Я хочу сказать, что вам, наверно, трудно это сделать одной рукой.

Сестра была очень доброй.

– Спасибо, развяжите, пожалуйста.

Она достала из кармана маленькие ножницы и разрезала тесьму. Потом развернула бумагу и с сомнением посмотрела на толстую книгу в темной обложке:

– Видимо, для вас эта книга что-то значит. Я хочу сказать, что обычно пациентам не приносят такие книги.

Она вложила мне в правую руку толстый том, и я прочел название, вытесненное золотыми буквами по темной коже: «Очерк коммерческого законодательства».

– Тесть специально принес эту книгу. Он хочет, чтобы я прочел ее.

– А, ну конечно, понимаю, так трудно придумать подарок для человека, которому нельзя есть фрукты и многое другое.

Она быстро принялась за дело, высокопрофессиональная, умелая сестра. Наконец она ушла и оставила меня одного.

«Очерк коммерческого законодательства». Я полистал страницы. Определенно, книга рассказывала о законах, по которым работают компании. Солидная юридическая книга. Вовсе не легкое чтение для инвалида. Я положил ее на столик возле кровати.

Чарлз Роланд был хитроумным человеком, и это доставляло ему много удовольствия. Он возражал не против моего происхождения. Он полагал, что Дженни нарушила его критерии интеллектуальности, выйдя замуж за жокея. Прежде он никогда не встречал жокеев, сама мысль о скачках казалась ему сомнительной, и он заранее считал любого, кто связан со скачками, либо жуликом, либо кретином. Он хотел, чтобы обе его дочери вышли замуж за умных мужчин. Красота, происхождение, богатство не имели для него значения. Он хотел иметь умных зятьев, которые составляли бы ему компанию. Джил наградила его, выбрав Тони. Дженни разочаровала, выбрав меня. И он огорчился, что его дочь вышла замуж за дурака, пока не выяснил, что хотя бы в шахматы играть со мной можно.

Зная его хитроумные уловки, я понял, что он не просто так принес эту книгу, не взял первую попавшуюся и не выбрал по ошибке. Чарлз ради какой-то цели хотел, чтобы я прочел ее. Позднее она должна была стать полезной – мне или ему. Возможно, он надеялся ввести меня в бизнес, поскольку я невысоко зарекомендовал себя в агентстве Рэднора. Книга означала легкий толчок. Толчок в определенном направлении.

Я перебрал в памяти все, о чем говорил Чарлз, стараясь понять ход его мыслей. Он настаивал, чтобы я приехал в Эйнсфорд. Он отослал Дженни в Афины. Он рассказал о скачках, о новых соревнованиях в Сендауне, об Аскоте, о Джоне Пэгене, Картере, Уолли Гиббонсе... Насколько я мог судить, это не имело никакой связи с коммерческим законодательством.

Вздыхнув, я закрыл глаза. Действительно, я не очень хорошо себя чувствовал. Не надо мне читать эту книгу и идти туда, куда подталкивает Чарлз. Но... Почему бы нет? Ведь сам я ничего не хочу и ничего не могу предложить себе взамен. И я решил выполнить эту скучную домашнюю работу. Завтра.

Может быть.

Глава 2

Четыре дня спустя после приезда в Эйнсфорд, ближе к вечеру, я спустился из своей комнаты и увидел в центре холла большой ящик, а возле него Чарлза. Вокруг по паркету на пол-акра разлетелись стружки, белые и кудрявые. На низком столике лежали первые трофеи, вытасканные Чарлзом из ящика. Я решил, что это обыкновенные камни.

Взяв один из камней с отшлифованной стороной, я заметил на шершавом выступе наклейку: «Порфир», и ниже: «Минералогический фонд Карвера».

– Я и не подозревал, что у вас такой страстный интерес к кварцам.

Он окинул меня невидящим взглядом, который, как я уже знал, не означал, что Чарлз не расслышал или не понял вопроса. Такой взгляд говорил, что он не намерен ничего объяснять.

– Сейчас выловим что-нибудь еще.

Чарлз по локоть погрузил руку в ящик.

Я положил на стол порфир и взял другой камень размером с квадратное яйцо, очень красивый и прозрачный, как стекло. «Горный хрусталь», – сообщила этикетка.

– Если хочешь сделать что-нибудь полезное, – предложил Чарлз, – напиши на чистых этикетках названия минералов. Этикетки у меня на письменном столе. Потом сними ярлычки фонда и приклей новые. Но этикетки фонда сохрани. Нам придется снова приклеить их, когда мы будем возвращать образцы.

– Хорошо, – согласился я.

Следующий камень оказался тяжелым и поблескивал золотом.

– Они ценные? – спросил я.

– Да, некоторые из них очень дорогие. Но я пообещал в фонде, что у меня они будут в полной сохранности, потому что приглашен частный детектив, который останется в доме до тех пор, пока я не верну образцы.

Я засмеялся и принялся заполнять новые этикетки, списывая названия с инвентарного листа. Камни уже не умещались на столе и перекочевали на пол, хотя Чарлз по-прежнему нырял в ящик.

– В прихожей еще один, – заметил он.

– О нет!

– У меня большая коллекция, – гордо объявил он. – И не забудь, пожалуйста, что я собираю минералы уже долгие годы. Долгие годы. Запомнил?

– Долгие годы, – подтвердил я. – Вы специалист по кварцам. Да и кто не стал бы специалистом по камням, проведя всю жизнь в море?

– В моем распоряжении ровно один день, чтобы изучить свою коллекцию, – улыбнулся Чарлз. – Завтра к вечеру я должен знать все названия наизусть.

Он принес второй ящик, который оказался гораздо меньше и был весь в печатях, что придавало его содержимому особую важность. Чарлз принялся доставать оттуда образцы, каждый из которых был закреплен на черной пластинке. Фонд Карвера оценил их в ошеломляющую сумму и, должно быть, совершенно серьезно воспринял сообщение о приглашенном детективе. Там не выпустили бы из рук эти камни, если бы увидели, в каком я состоянии.

Мы работали вместе, обмениваясь этикетками, и Чарлз, словно заклинание, бубнил под нос названия минералов:

– Хризопраз, авантюрин, агат, оникс, халцедон, тигровый глаз, сердолик, басанит, кровавик, цитрин, морион, раухтопаз... И почему я только за это взялся?

– И правда, почему?

Он опять окинул меня невидящим взглядом:

– Теперь можешь проверить, я все их знаю.

Мы перенесли кварцы в столовую, где он уже освободил для них книжные полки над камином от классиков в кожаных переплетах.

– На полки поставим кварцы позже, – решил Чарлз, накрывая обеденный стол толстым фетром, – пока давай их сюда.

Мы разместили все камни на столе, и Чарлз начал ходить вокруг, запоминая названия. Камней было около пятидесяти разновидностей. Когда он попросил проверить его, естественно, что половину названий он забыл. Трудно держать в голове разные названия так похоже выглядящих кристаллов.

– Теперь время выпить, – Чарлз вздохнул, – а тебе, Сид, пора в постель.

Мы прошли в маленькую гостиную, которую он, обмолвившись, назвал кают-компанией. Чарлз налил в два бокала крепчайшего бренди, один протянул мне и сам с видом дегустатора сделал глоток. Я заметил, что он старается скрыть возбуждение и его непроницаемые глаза загадочно поблескивают. Потягивая бренди, я пытался понять, что он задумал.

– Я пригласил на уик-энд нескольких человек, – небрежно бросил он, глядя в бокал. – Мистера и миссис Рекс ван Дизарт и мистера и миссис Говард Крей, а кузина Виола будет за хозяйку.

– Старые друзья, – пробормотал я, хотя знакомо мне было только имя Виолы.

– Не сказал бы, – задумчиво протянул Чарлз. – Они приедут завтра к обеду, тогда ты с ними и познакомишься.

– Но я буду лишним... Лучше я поднимусь к себе в комнату и весь вечер постараюсь не попадаться вам на глаза.

– Нет, – пылко возразил он.

Пожалуй, слишком пылко, я даже удивился. И тут до меня вдруг дошло, что и возня с кварцами, и предложение поправиться после больницы у него – все он спланировал заранее лишь для того, чтобы я познакомился с его завтрашними гостями. Мне он предложил отдых. Мистеру Дизарту или, возможно, мистеру Крею предложил посмотреть камни. И мы все проглотили наживку. Я решил позволить ему сделать подсечку, потому что мне стало интересно, что задумал рыбак.

– Пожалуй, я все же останусь у себя наверху. Вы ведь знаете, мне нельзя есть нормальную пищу.

Моя диета состояла из бренди, мясного сока и различных паштетов из тюбиков для космонавтов. Эти продукты не вредили моим изрешеченным пулей кишкам.

– За обеденным столом люди расслабляются... Они свободно разговаривают. Их лучше узнаешь. – Чарлз явно осторожничал, стараясь не проявить излишней настойчивости.

– Они будут свободно разговаривать и без меня, даже еще свободнее. И я не выдержу, когда увижу, как вы втыкаете вилки в сочные бифштексы.

– Ты можешь выдержать все, Сид, – весело проговорил он. – Но думаю, тебе будет интересно. Обещаю тебе. Еще бренди?

Я покачал головой и решил, что пора уступить:

– Хорошо. Если вы хотите, я буду сидеть с вами во время обеда.

Он расслабился, но только слегка. Хорошо владеющий собой, хитроумный человек. Я улыбнулся, и он догадался, что я разыгрываю его:

– Ублюдок!

У него это прозвучало как комплимент.

Транзистор возле кровати сообщал утренние новости, а я завтракал едой космонавтов – паштетом из тюбика.

«Скачки в Сибири, назначенные по расписанию на сегодня и завтра, отменяются, – объявил диктор. – Вчера во второй половине дня, в сумерках, цистерна с жидкими химикатами

столкнулась со встречной машиной и перевернулась на дороге, огибающей ипподром. Почва на скаковых дорожках сильно загрязнена, и сегодня утром, осмотрев ипподром, стюарды с сожалением установили, что грунт не годится для скачек. Есть надежда, что ко времени следующих скачек, то есть через две недели, загрязненный грунт заменят чистым. Объявление о дне соревнований в Сибири будет сделано позже. А сейчас прогноз погоды...»

«Бедный Сибери, – подумал я, – несчастья так и валятся на него». Всего лишь год назад накануне соревнований там дотла сгорели конюшни. Тогда тоже пришлось отменить скачки, потому что восстановить за ночь постройки невозможно, а Национальный охотничий комитет, посоветовавшись с Рэднором, решил, что с точки зрения безопасности размещать лошадей в соседних деревнях слишком рискованно.

Скакать на лошади на этом ипподроме – одно удовольствие: скаковые дорожки длинные, без резких поворотов, грунт пружинящий. Но весной там снова случилась беда. По неизвестной причине в одном месте под землей скопилась вода, и почва слишком раскисла. Из-за этого во время скачек лошади, приземляясь после прыжка через препятствие, оставляли глубокие ямы. Передние ноги одного несчастного скакуна попали в яму глубиной восемнадцать дюймов, и он сломал ногу. В общей свалке еще две лошади, налетев на него, переломали себе ноги, а один жокей получил тяжелое сотрясение мозга. На карте ипподрома никакие подземные резервуары вообще не были отмечены, и я слышал, как тренеры обсуждали, нет ли в Сибири и других подземных источников. Но распорядители скачек, разумеется, клялись, что ничего подобного нет.

Я опять лег, закрыл глаза и мысленно провел заезд в Сибири с хорошей лошастью. И снова меня обожгло бессмысленное, бесполезное, мучительное желание провести такой заезд наяву.

Постучалась миссис Кросс, спокойная, ненавязчивая женщина с темно-русыми волосами и серо-зелеными глазами, несколько отстраненно глядевшими на мир. Она казалась очень кроткой, говорила редко, но хозяйство у нее шло, как хорошо смазанная машина, без толчков и рывков. Для меня ее главная добродетель заключалась в том, что она недавно появилась в доме и не принимала ничью сторону в наших отношениях с Дженни. Я не доверял ее предшественнице, которая так фанатически любила Дженни, что с наслаждением добавила бы касторки в мой мясной бульон.

– Мистер Холли, адмирал хотел бы знать, хорошо ли вы сегодня себя чувствуете? – спросила миссис Кросс, забирая поднос из-под завтрака.

– Спасибо, хорошо.

«Более или менее», – мысленно добавил я.

– Адмирал спрашивал, не спуститесь ли вы к нему в столовую, когда будете готовы?

– Опять камни?

Она улыбнулась:

– Сегодня утром он встал раньше меня и позавтракал у себя в спальне. Могу ли я сказать ему, что вы спуститесь?

– Да, пожалуйста.

Когда она ушла, раздался телефонный звонок. Вскоре сам Чарлз поднялся ко мне.

– Звонили из полиции, – сердито бросил он и нахмурился. – Они нашли тело и хотят, чтобы ты приехал и опознал его.

– Ради бога, чье тело?

– Они не сказали. Полиция заявила, что немедленно высылают за тобой машину, но, по моему, они позвонили, чтобы установить, где ты находишься.

– У меня нет родственников! Это, должно быть, ошибка.

– Скоро все выяснится, а сейчас пойдем вниз, и ты проверишь, как я выучил названия этих кварцев. Мне кажется, теперь они прочно сидят у меня в голове.

Мы спустились в столовую. Чарлз оказался прав. Он обходил стол и безошибочно перечислял названия камней. Я изменил порядок, в каком они лежали, но и это не сбило его. Очень довольный собой, Чарлз счастливо улыбался.

– Помню наизусть все до одного, – удовлетворенно констатировал он. – А теперь давай перенесем их на полки. Самые ценные кристаллы мы поставим в маленькой гостиной, в тот книжный шкаф, у которого стекла дверок изнутри занавешены.

– Их надо спрятать в сейф.

Я уже предлагал ему сделать это вчера вечером.

– Несмотря на твои страхи, они спокойно переночевали на столе в столовой, – усмехнулся Чарлз.

– Как частный детектив-консультант, я продолжаю настаивать, что им место в сейфе.

– Ты же чертовски хорошо знаешь, что у меня нет сейфа, – засмеялся он. – Но как частный детектив-консультант, ты сам можешь сторожить их сегодня ночью. Положи кристаллы себе под подушку. Положишь?

– Договорились, – кивнул я.

– Ты серьезно?

– Ну, они слишком жесткие, чтобы держать их под подушкой.

– Черт возьми...

– Но забрать их наверх – в вашу или мою спальню – это обязательно и вполне серьезно. Некоторые кварцы действительно очень ценные. Вам придется заплатить за них огромную страховку.

– Нет, – признался Чарлз. – Я гарантировал, что возьму, если что-нибудь пропадет или будет повреждено.

Я вытаращил на него глаза:

– Вы просто сумасшедший! Я знал, что вы богаты, но... Надо немедленно застраховать эти камни. Вы представляете, сколько стоит каждый образец?

– По правде говоря, нет. Я не спрашивал.

– Прекрасно, но если к вам в гости придет коллекционер, он будет уверен, что вы знаете, сколько заплатили за каждый камень.

– Я уже думал об этом, – перебил меня Чарлз. – Я скажу, что получил коллекцию в наследство от дальнего родственника. Это оправдает мое невежество в вопросах не только цены и ценности каждого кварца, но и происхождения этих камней, их редкости, кристаллографии и других тонкостей. Я понял, что не могу все это выучить за один день. Достаточно, если я покажу некоторое знакомство с коллекцией.

– Прекрасно. Но, Чарлз, сейчас же позвоните в Фонд Карвера и узнайте, сколько стоят эти камни, а потом вызовите страхового агента. Ваша беда в том, что вы слишком честны. Не все люди так порядочны, как вы. Сейчас вы живете в скверном, грубом мире, а не на флоте.

– Очень хорошо, – примирительно улыбнулся Чарлз. – Я сделаю, как ты советуешь. Дай мне список.

Он пошел к телефону, а я принялся переставлять камни с обеденного стола на пустые книжные полки, но несколько минут спустя раздался звонок в парадную дверь. Миссис Кросс пошла открывать и тут же вернулась, сообщив, что меня спрашивает полицейский.

Я засунул безжизненную левую руку в карман, как всегда делал, когда встречался с незнакомцами, и вышел в холл. Высокий плотный парень в форме стоял там и старался не показывать, как он потрясен обстановкой. Я хорошо помнил свое первое впечатление от дома Чарлза.

– Вы по поводу тела?

– Да, сэр. Думаю, вы ждали нас.

– Чье это тело?

– Не знаю, сэр. Мне только велели привезти вас.

- И куда мы едем?
- В Эппинг-Форест, сэр.
- Но это же ужасно далеко, – запротестовал я.
- Да, сэр, – с мрачным видом согласился он.
- И вы уверены, что им нужен именно я?
- Определенно, сэр.
- Ну ладно. Посидите минуту, пока я возьму пальто и скажу, куда еду.

Полицейский вел машину, а я обнаружил, что такое путешествие для меня утомительно. От Эйнсфорда до Оксфорда, а затем до Эппинг-Фореста оно заняло два часа. Наконец на перекрестке нас встретил другой полицейский на мотоцикле, и мы свернули на извилистую проселочную дорогу. Лес подступал к самой машине, сбросившие листья деревья казались особенно мрачными в пасмурный серый день.

За очередным поворотом мы увидели стоявшие в ряд две машины и пикап. Мотоциклист остановился и спрыгнул с седла, мы с полицейским вышли из машины.

– Время прибытия двенадцать пятнадцать, – объявил мотоциклист, взглянув на часы. – Вы опоздали. Начальство ждет здесь уже двадцать минут.

– На шоссе такое движение, что мы ехали, будто на тракторе, – оправдывался мой водитель.

– Нужно было включить сирену, – усмехнулся мотоциклист. – Пойдемте. Это сюда.

Он повел нас по едва различимой тропинке в глубину леса. Жухлые коричневые листья шуршали под ногами. Пройдя с полмили, мы вышли на группу мужчин, стоявших вокруг чего-то, завешенного рогожей. Чтобы согреться, они топали ногами, тихо перебрасываясь отрывочными фразами.

– Мистер Холли? – Один из мужчин представился как старший инспектор Корниш. Приятный человек средних лет, по виду знающий свое дело. Мы пожали друг другу руки. – Сожалею, что заставил вас проделать такое путешествие, но нам хотелось, чтобы вы увидели... э-э-э... останки, прежде чем мы увезем их. Полагаю, мне следует предупредить вас, что выглядит это ужасно.

– Кто это?

– Надеемся, что вы сможете с уверенностью сказать нам. Мы думаем... Нет, лучше вы сами скажете, не стоит заранее подсказывать вам ответ. Хорошо? Готовы?

Я кивнул. Он провел меня за рогожу.

Это был Эндрюс. То, что от него осталось. Он был мертв уже давно, и похоже, что звери Эппинг-Фореста нашли его съедобным. Я понял, почему полиция хотела, чтобы я посмотрел на него на месте. Если бы тело тронули, оно бы просто рассыпалось.

– Итак?

– Томас Эндрюс.

– Вы уверены? У вас нет сомнений? – Полицейские облегченно вздохнули.

– Нет.

– Вы судите не только по одежде?

– Нет, не только по одежде. Очертания линии волос. Торчащие уши. Странно закрученная круглая ушная раковина, почти без мочки. Очень короткие брови, густые только возле носа. Плоские широкие большие пальцы. Белые пятна на ногтях. Волосы на фалангах пальцев.

– Хорошо, – кивнул Корниш. – Я бы сказал, очень убедительно. Мы сделали предварительное опознание по одежде, описание которой детально зафиксировано в розыскном листе. Разумеется, вы знаете, что был объявлен его розыск. Но следователи отрицательно отнеслись к нашему предположению. У него вроде бы нет семьи, и никто не мог вспомнить никаких особых примет – ни татуировки, ни шрамов, ни следов операции, и, насколько мы можем судить, он в жизни не бывал у зубного врача.

– Очень разумно с вашей стороны проверить все детали, прежде чем передать тело патологоанатому, – заметил я.

– Вообще-то, это предложил сделать сам патологоанатом. – Корниш слегка улыбнулся.

– Кто его нашел? – спросил я.

– Мальчишки. Обычные мальчишки, которые всегда что-то находят.

– Когда?

– Три дня назад. Но очевидно, он пролежал в лесу несколько недель. Вероятно, вскоре после того, как стрелял в вас, он и попал сюда.

– Да. Револьвер все еще у него в кармане?

– Никаких следов оружия, – покачал головой Корниш.

– Вы еще не знаете, как он умер? – спросил я.

– Еще не знаем. Но теперь, когда вы опознали его, можно приступить к расследованию.

Мы обогнули рогожу, а два человека с носилками подошли к телу. Я им не завидовал.

Корниш повел меня по тропинке к дороге, водитель следовал за нами на небольшом расстоянии. Мы шли очень медленно и говорили об Эндрюсе. Мне показалось, что мы прошагали восемь миль, а не восемьсот ярдов. Я еще не был готов к веселым деревенским прогулкам.

Когда мы вернулись к машинам, Корниш попросил меня позавтракать с ним. Я покачал головой, объяснив, что сижу на диете, и предложил вместо ланча просто выпить вместе.

– Очень хорошо, – согласился он. – После этого, – он мотнул головой в сторону Эндрюса, – выпивка нам обоим не повредит. Там, недалеко от дороги, хороший паб. Ваш водитель может ехать за мной.

Он сел в свою машину, и мы поехали за ним.

Потом мы сидели в баре на обтянутых воощенным ситцем стульях за большим столом мореного дуба, окруженные лошадиной сбруей, охотничьими трофеями, чугунными грелками и разной кухонной утварью. Передо мной стоял большой бокал бренди с водой, перед ним – виски и сэндвичи.

– Забавно вот так встретиться с вами, – начал Корниш, сделав большой глоток. – Я часто видел вас на скачках. В свое время я всегда ставил на вас и почти всякий раз выигрывал. Теперь мне не хватает тех соревнований, что бывали на старом ипподроме в Данстейбле до того, как землю продали под застройку. А сейчас редко удастся выбраться на скачки: ипподром далеко, и удрать от дел на несколько часов днем невозможно. – Он усмехнулся и продолжал: – Какие моменты вы дарили нам в Данстейбле! Помните тот фантастический финиш, когда вы скакали на Брашвуде?

– Помню, – подтвердил я.

– Вы просто подняли лошадь в воздух и прилетели к финишу. – Корниш сделал очередной глоток. – Я никогда не слышал таких оваций. Здесь не может быть сомнений, в вас было что-то такое... Жаль, что вам пришлось оставить скачки.

– Да.

– По-моему, стипль-чез – очень рискованное дело. Всегда кто-то получает травму.

– Это правда.

– Когда это случилось с вами?

– В Стратфорде-на-Эйвоне два года назад, в мае.

– Чертовски не повезло. – Он сочувственно покачал головой.

– Но скакал я неплохо... перед этим, – улыбнулся я.

– Да, пожалуй. – Он хлопнул ладонью по столу. – Года три-четыре назад на второй день Рождества я повез свою миссис в Кемптон...

Старший инспектор Корниш, с наслаждением вспоминая скачки, которые ему довелось видеть, показал себя истинным энтузиастом, одним из тех людей, без интереса которых коро-

левство скачек давно рухнуло бы. Наконец он допил свой бокал и с сожалением посмотрел на часы:

– Мне надо возвращаться. Я так рад встрече с вами. Как странно устроена жизнь, вы не находите? Вам, наверное, и в голову не приходило, когда вы участвовали в скачках, что и на этой работе у вас дело пойдет так же хорошо.

– Что значит «хорошо»? – удивился я.

– Ну взять хотя бы Эндрюса... Описание одежды, которое вы дали после того, как он выстрелил в вас. Сегодняшнее опознание. Высокопрофессионально. Очень квалифицированно. – Он усмехнулся.

– Получить пулю – это не очень квалифицированно, – напомнил я.

– Поверьте мне, такое может случиться с каждым, – пожал он плечами. – Я бы об этом не тревожился...

Всю дорогу, пока водитель вез меня в Эйнсфорд, я улыбался при мысли, что кто-то может счесть меня хорошим детективом. Умение дать описание одежды и опознать тело объяснялось очень просто: я прочел много отчетов в отделах разводов и розыска пропавших лиц. Бывшие полицейские, которые писали их, хорошо знали, что опознание должно основываться на неменяющихся чертах, таких как уши и руки, а не на цвете волос, очках или усах. Один из них без всякой гордости рассказывал мне, что парики, бороды, всякие накладки на лице, наличие или отсутствие косметики не производят на него впечатления, потому что он на них не смотрит. «Уши и пальцы, – говорил он, – никогда не обманывают. Преступники даже не пытаются их менять. Смотрите на уши и пальцы, и вы никогда не ошибетесь».

Уши и пальцы – это все, что осталось от Эндрюса. Неаппетитные кусочки хряща.

Водитель остановил машину у бокового входа, и я коридором прошел в холл. Когда я уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, на пороге гостиной появился Чарлз:

– О, привет, я так и подумал, что это ты. Иди сюда, посмотри, что я сделал.

Нехотя оттолкнувшись от перил, я последовал за ним в маленькую гостиную.

– Вот, – показал Чарлз.

Он так развесил лампочки внутри шкафа, что они сверху отбрасывали свет на кристаллы кварца, и те искрились и сверкали. Открытые дверки шкафа с красными шелковыми занавесками обрамляли образцы мягким свечением. Получилась бросающаяся в глаза и очень эффектная экспозиция, о чем я ему и сказал.

– Хорошо, правда? Свет зажигается автоматически, когда открываешь дверки. Остроумно придумано, ты не находишь? – Он засмеялся. – И они уже застрахованы.

– Это хорошо.

Он закрыл дверки шкафа, и свет внутри потух. Красные занавески скрыли сокровище. Повернувшись ко мне, Чарлз уже серьезно спросил:

– Чье тело?

– Эндрюса.

– Того человека, который стрелял в тебя? Как удивительно! Самоубийство?

– Не думаю. Оружия при нем, во всяком случае, не нашли.

Чарлз жестом показал на кресло:

– Сид, дорогой мой, садись, садись. Ты выглядишь так... э-э-э... будто немного устал. Ты еще не поправился, чтобы совершать такие прогулки. Подними ноги, положи их сюда. Сейчас я дам тебе выпить. – Чарлз хлопотал вокруг меня, словно клуша над цыплятами, принес сначала воды, потом бренди и наконец чашку теплого мясного сока от миссис Кросс. Потом сел напротив и стал смотреть, как я поглощаю свой ланч.

– Тебе нравится мясной сок?

– К счастью, да.

– Мы привыкли пить его, когда были детьми. Как ритуал, один раз в неделю. Отец сливал его из воскресного жаркого, приподнимая блюдо специальной вилкой. Нам всем очень нравилось. Но уже долгие годы я не пил мясного сока.

– Попробуйте! – Я протянул ему чашку.

Чарлз сделал глоток.

– Да, в самом деле хорошо. Как будто сбросил шестьдесят лет... – Он дружески улыбнулся и поудобнее расположился в кресле.

Я рассказал ему об Эндрюсе, о том, в каком состоянии его нашли.

– Похоже, – медленно проговорил Чарлз, – что его убили.

– Я бы не удивился. Он был молодым и здоровым и не стал бы лежать в лесу в центре Эссекса и ждать смерти.

Чарлз усмехнулся.

– В котором часу вы ждете гостей? – Я посмотрел на часы, они показывали пять минут шестого.

– Часов в шесть.

– Тогда я поднимусь наверх и немного полежу.

– Тебе не плохо, Сид? Я имею в виду, на самом деле не плохо?

– Нет, просто устал.

– Ты спустишься к обеду? – За спокойным тоном Чарлза скрывалось напряжение.

Я вспомнил весь его тяжелый труд с камнями и все его маневры, чтобы заполучить на обед гостей и меня, и просто не мог отказать. Кроме того, меня самого все больше интересовали его намерения.

– Да, – кивнул я, – пусть для меня принесут ложку.

Поднявшись к себе, я лег в постель, весь мокрый от пота и скрючившийся от боли. Хотя пуля не задела жизненно важные органы, а только продырявила кишки, выстрелом обожгло и слегка повредило какие-то нервы. В больнице предупредили, что на поправку нужно время и чувствовать себя хорошо я буду далеко не сразу. Меня совсем не радовало, что врачи оказались правы.

Я слышал, как приехали гости, слышал их громкие оживленные голоса, когда они поднимались в отведенные им комнаты, слышал, как хлопали двери, текла в ваннах вода, слышал скрип отодвигаемых стульев, а затем веселую болтовню, когда они, переодевшись, проходили мимо моих дверей и спускались в столовую. Я заставил себя встать, снять джинсы и свитер, в которых лучше всего себя чувствовал, и надеть белую рубашку и темно-серый костюм.

Когда я причесывался, из зеркала на меня смотрело бледное, изможденное лицо с темными провалами глаз. Череп на празднике... Я гадко ухмыльнулся своему отражению. Мне стало легче, но совсем чуть-чуть.

Глава 3

В тот момент, когда я начал спускаться по лестнице, Чарлз и его гости через холл переходили из маленькой гостиной в столовую. На мужчинах были смокинги, на женщинах – длинные платья. Чарлз умышленно не предупредил меня. Он знал, что в моем гардеробе выздоравливающего черный галстук не предусмотрен.

Адмирал не остановился и не представил меня, только слегка кивнул и направился прямо в столовую, галантно беседуя с пухленькой маленькой женщиной, которая шла рядом. За ними следовали Виола с высокой, темноволосой, потрясающе красивой девушкой. Виола, пожилая вдовья кузина Чарлза, с озабоченной и смущенной улыбкой мельком взглянула на меня. Я удивился, не поняв, в чем дело. Обычно она доброжелательно встречала меня и всего несколько недель назад присылала в больницу теплые записки с пожеланием скорейшего выздоровления. Девушка, шедшая рядом с ней, едва скользнула взглядом по лестнице, а мужчины, замыкавшие процессию, и вовсе не заметили, что кто-то стоит на ступеньках.

Пожав плечами, я последовал за ними в столовую и безошибочно угадал место, предназначенное для меня. Там лежали ложка, вилка и стоял лишь один бокал. Мое место оказалось в центре одной из сторон стола. Напротив никто не сидел. Чарлз рассаживал гостей: он, как обычно, – во главе стола, с пухленькой миссис ван Дизарт справа и безукоризненной миссис Крей слева. Я сидел между миссис Крей и Рексом ван Дизартом. Чарлз никого не представлял, и я постепенно сам рассортировал их по именам.

Каждая группка за столом погрузилась в оживленную болтовню и обращала на меня столько же внимания, сколько водители на знаки ограничения скорости на дорогах. Я подумал, не лучше ли мне пойти полежать.

Лакей, которого Чарлз нанимал для таких случаев, принес каждому маленькую супницу с черепаховым супом. В моей оказался мясной сок. Хлеб был передан, ложки звякали, перец и соль были посыпаны, все принялись за черепаховый суп, а мне еще никто не сказал ни единого слова, хотя гости уже с любопытством поглядывали на меня. Миссис ван Дизарт то и дело переводила фарфоровые голубые глаза с меня на Чарлза, приглашая его представить меня. Но ничего не менялось. Он продолжал беседовать с двумя дамами, как бы ничего не замечая, хотя несколько рассеянно.

Рекс ван Дизарт, сидевший слева, вскинув брови, с невыразительной улыбкой предложил мне хлеб. Это был крупный мужчина с плоским бледным лицом и властными манерами. Очки в массивной темной оправе скрывали глаза. Когда я отказался, он поставил корзинку с хлебом в центр стола, равнодушно кивнул и снова повернулся к Виоле.

Еще до того, как Дизарт заговорил о кварцах, я догадался, что весь спектакль с камнями готовился для Говарда Крея. Я с первого взгляда почувствовал к нему настолько сильную антипатию, что это меня смутило. Если Чарлз планировал, что я когда-нибудь буду работать для мистера Крея, вместе с ним или просто около него, то ему придется передумать.

Мистер Крей, важный мужчина лет сорока восьми – пятидесяти, сохранил плечи, бедра и талию сорокалетнего. Смокинг сидел на нем, будто вторая кожа, и когда он случайно и словно бы незначай жестикулировал, то показывал ухоженные руки с великолепным маникюром.

У него были аккуратно подстриженные седеющие темно-русые волосы, прямые брови, узкий нос, маленький жесткий рот, круглый свежевыбритый подбородок и очень высокие нижние веки, чуть не до половины закрывавшие глаза, отчего взгляд казался замкнутым и скрытым.

Лицо-маска, тщательно скрывавшее в глубине что-то порочное. Я просто почуял это через стол. Воображение подсказало мне, что ему знакомы многие пороки. Но внешне он был

обаятелен, даже слишком. По своему опыту я чувствовал, что этот тип отвратителен и фальшив.

– ...И вот, когда мы с Дорией попали в Нью-Йорк, я посмотрел на этих ребят в вычурном хрустальном дворце на Первой авеню, – услышал я, как мистер Крей рассказывает Виоле, – и заставил их шевелиться. Этим дипломатам, которые только и умеют модно одеваться, надо дать толчок: у них абсолютно нет собственной инициативы. Послушайте, сказал я им, одно-сторонние действия не только нецелесообразны, они непрактичны. Но эти парни так закоспелели в местном прагматизме, что у квалифицированного мнения столько же шансов пробить их оболочку, сколько у ртути просочиться сквозь гранит.

Виола с умным видом кивала, хотя не понимала ни слова. Претенциозная пустая болтовня свободно обтекала ее здравомыслящую голову, не оставляя в ней никаких следов. Эти всполохи красноречия казались мне частью какой-то гигантской аферы, их задача была вызвать доверие у присутствующих и подавить их важностью и значительностью. Но я не мог поверить, чтобы Чарлз обманулся такими фальшивыми блестками. Невероятно. Совсем не похоже на моего хитроумного и хладнокровного тестя. А между тем мистер ван Дизарт ловил каждое слово.

Покончив с черепаховым супом, миссис ван Дизарт, сидевшая на другом конце стола, не могла больше сдерживать любопытство. Отложив ложку и уставившись на меня, она спросила у Чарлза тихо, но отчетливо:

– Кто это?

Все повернули головы к Чарлзу, будто только и ждали этого вопроса. Адмирал, задрав подбородок, произнес громко и внятно – так, чтобы все слышали ответ:

– Это мой зять.

Его слова прозвучали легко, насмешливо и бесконечно презрительно и задели меня за живое, хотя я полагал, что меня уже ничто не сможет задеть. Я резко повернулся к нему и встретился с его ничего не выражающим, пустым взглядом.

Я невольно посмотрел вверх, на стену за его спиной. Там уже много лет, и определенно сегодня утром, висел мой написанный маслом портрет верхом на лошади. Художник схватил тот момент, когда я беру препятствие в Челтенхеме. Сейчас его заменил старомодный морской пейзаж викторианской эпохи с потемневшим от времени лаком.

Чарлз наблюдал за мной, мы снова на мгновение встретились взглядами, но я ничего не сказал. По-моему, он знал, что я промолчу. Много лет назад моя единственная защита против его оскорблений состояла в молчании. И он рассчитывал, что оборонительная тактика у меня осталась такой же.

Миссис ван Дизарт чуть наклонилась вперед и с пробудившимся злорадством пробормотала:

– Продолжайте, адмирал.

Без колебаний Чарлз подчинился просьбе дамы и тем же тоном насмешливого презрения продолжал:

– Насколько я знаю, его отцом был мойщик окон, а матерью – незамужняя девятнадцатилетняя девчонка из ливерпульских трущоб. Она позднее работала упаковщицей на кондитерской фабрике.

– О боже, адмирал! – выкатив фарфоровые глаза, воскликнула миссис ван Дизарт.

– Действительно «о боже», – кивнул Чарлз. – Вы, наверное, догадываетесь, что я приложил все усилия, чтобы помешать дочери сделать такой неподходящий выбор. Он маленького роста, и у него изуродована рука. Рабочий класс у нас низкорослый... Но дочь была непреклонна. Вы же знаете, как упрямы девушки в таких случаях. – Он вздохнул.

– Вероятно, она пожалела его, – высказала предположение миссис ван Дизарт.

– Вероятно, – согласился Чарлз. Но он еще не кончил свой рассказ и не собирался отклоняться от намеченного курса. – Если бы она встретила пусть столь же неподходящего, но хотя бы студента, тогда еще можно было бы понять... Но он даже необразован. Он оставил школу в пятнадцать лет, и его отдали учиться ремеслу. Сейчас некоторое время он безработный. Могу сказать, что дочь уже рассталась с ним.

Я сидел, окаменев и уставившись в застывшую гущу на дне тарелки. Теперь главное – расслабить мышцы, стянувшие челюсти, и немножко подумать. Всего четыре часа назад он проявлял заботу обо мне и пил мясной сок из моей чашки. И если можно быть в чем-то уверенным, то я был уверен в его привязанности ко мне, в искренности и постоянстве. Определенно, у него есть какие-то веские причины так вести себя со мной. По крайней мере, я надеялся, что такие причины есть.

Я взглянул на Виолу. С несчастным видом она ерзала на стуле. Я вспомнил ее смущение, когда она проходила по холлу, и догадался, что Чарлз предупредил ее, чего надо ожидать. Он мог бы предупредить и меня, мелькнула сердитая мысль.

Разумеется, все они уставились на меня. Темноволосая красивая Дория Крей вскинула прекрасные брови и высокомерно произнесла бесцветным голосом:

– А вы не обижайтесь... – Слова прозвучали почти как насмешка. Ясно, она считала, что, если во мне есть хоть капля самолюбия, я должен обидеться.

– Он не обижается! – беззлобно воскликнул Чарлз. – Разве правда может быть оскорбительна?

– Это правда, что вы незаконнорожденный и все прочее? – спросила Дория по-прежнему высокомерно.

Я набрал побольше воздуха:

– Да.

Наступило неловкое молчание.

– О, – выдохнула Дория и начала крошить хлеб.

Как в театре, но, несомненно, по сигналу Чарлза, который ногой нажал звонок, появился лакей и начал собирать тарелки. Разговор снова возобновился, словно сигаретный дымок после жутких рассказов о раке.

Я сидел и вспоминал детали, которые Чарлз вынес за скобки. На самом деле мой двадцатилетний отец, работая сверхурочно, чтобы собрать побольше денег, упал с лесов и умер за три дня до свадьбы, а я родился восемь месяцев спустя. На самом деле моя молодая мать, узнав, что умирает от какой-то неизвестной болезни почек, забрала меня из школы в пятнадцать лет. Для своего возраста я был маловат, поэтому она отдала меня в ученики к тренеру скаковых лошадей в Ньюмаркете, чтобы, когда она уйдет, у меня был дом и кто-то заботился обо мне. На самом деле они оба, мои родители, были хорошими людьми, и Чарлз знал, что я так думаю.

Лакей принес следующее блюдо, какую-то рыбу, утопавшую в белом грибном соусе. Одновременно подали и мои космические деликатесы. Чтобы они не бросались в глаза, их принесли не в обычных тюбиках, а просто на тарелке. Милая миссис Кросс, я готов был поцеловать ее. Теперь я мог есть одной рукой, держа в ней вилку. А тюбик мне пришлось бы неуклюже прижимать локтем к груди. Я же в тот момент предпочел бы умереть от голода, чем вынуть из кармана левую руку.

Пухленькая миссис ван Дизарт была в восторге. Она совершенно искренне получала удовольствие от мысли, что вот сидит человек, фактически изолированный от гостей, одетый в несоответствующий костюм и откровенно презираемый хозяином. Со светлыми мелкими кудряшками, кукольными голубыми глазами и розовым платьем, расшитым серебряной нитью, она казалась сладкой, как сахарная глазурь. Но ее слова показали, что иметь под рукой мальчика для битья – ее обычное и желанное наслаждение.

– Бедные родственники – такая проблема, вы согласны? – сочувственно обратилась она к Чарлзу громко, чтобы я услышал. – В нашем положении, когда воскресные газеты только и ищут случая, чтобы вылить ушат грязи на богатых людей, мы не можем пренебрегать ими. Они даже платят этим родственникам, чтобы те говорили про нас гадости. Но особенно трудно, если кому-то приходится держать их в собственном доме. Допустим, не всегда можно посадить их за общий стол, но и заставить их есть в кухне... По-моему, лучший выход – поднос в комнату.

– Да-да, – кивнул Чарлз, – но не все они согласны с таким решением.

Я чуть не подавился при следующем глотке, вспомнив, как он маневрировал, чтобы заставить меня спуститься к обеду. Я понимал, что он ведет какую-то игру, и сгорал от любопытства, пытаясь догадаться – какую же? Несомненно, он заранее придумал способ, как уронить меня в глазах гостей. Зачем это ему понадобилось, в свое время он, конечно, объяснит. И у меня почти пропало желание подняться вверх и лечь в постель.

Взглянув на Крея, я обнаружил, что его зеленовато-янтарные глаза устремлены на меня. В них не светилось такое откровенное, как у миссис Дизарт, удовольствие, но оно там было. Я стиснул зубы. Довольно противно было любоваться этой вызывающей, дразнящей полуулыбкой. Я опустил глаза, потом отвел их в сторону и заставил себя отвлечься от нее.

Крей издал какой-то звук, нечто среднее между кашлем и смехом, и заговорил с Чарлзом о коллекции кварцев:

– Так разумно с вашей стороны, дорогой друг, держать их под стеклом, хотя для меня просто мучение смотреть на кристаллы издали. Это, кажется, жеода³ на средней полке? Свет так играет, понимаете... Мне плохо видно.

– Э-э-э, – промямлил Чарлз, который, как и я, понятия не имел, что такое жеода. – Я покажу их вам. Если хотите, после обеда? Или завтра?

– Конечно сегодня. Терпеть не могу откладывать на завтра такое наслаждение. Кажется, вы говорили, что у вас в коллекции есть полевой шпат?

– Нет, – неуверенно ответил Чарлз.

– Разве? Я вижу, у вас узкоспециализированная коллекция. Может быть, вы и правы, ограничиваясь только двуокисью кремния.

Чарлз начал многословно рассказывать о наследстве далекого кузена, оправдывая свое невежество. Крей воспринял его слова любезно и разочарованно:

– Кристаллы – увлекательный предмет, дорогой мой Роланд, и благодарный для изучения. Земля под нашими ногами, основные отложения триасовой и юрской эпох, – это бесценное наследство, источник нашей жизни и могущества... Нет ничего, что интересовало бы меня больше, чем земля.

Справа от меня Дория тихонечко фыркнула, но муж ее не услышал. Он опять разразился мнимо значительной и совершенно невнятной лекцией, на этот раз о природе Вселенной.

Они ели бифштексы, меренги, сыр и фрукты. А я сидел и изучал рисунок на скатерти. Разговор продолжался, но, наверно, глухонемой принял бы в нем более активное участие, чем я. Миссис ван Дизарт рассказывала, как трудно кормить бедных родственников с капризными желудками и привередливым вкусом. Чарлз не стал сообщать ей, что я получил пулю в живот и вовсе не был бедным, но согласился, что слабое пищеварение у нахлебников – следствие их нравственного несовершенства. Миссис ван Дизарт с восторгом восприняла его тираду. Дория время от времени рассматривала меня с таким видом, будто я был редким представителем примитивных организмов. Рекс ван Дизарт снова предложил мне хлеб. Так продолжалось довольно долго. Наконец Виола увела Дорию и миссис ван Дизарт в гостиную пить кофе, а

³ Жеода – овальное или округлое образование в горной породе. Оно может быть внутри пустым или заполненным кристаллами кварца.

Чарлз предложил гостям портвейн и бренди. Он пронес мимо меня бутылку бренди и неодобрительно поджал губы, когда я налил себе немного. Это не осталось незамеченным гостями.

Потом Чарлз встал, открыл застекленные дверцы шкафа и стал показывать Крею кварцы. Они обсуждали каждый образец, а ван Дизарт стоял рядом, изображая вежливый интерес и подавляя зевки. Он с трудом скрывал скуку. Я налил себе еще немного бренди и продолжал сидеть за столом.

Чарлз сыграл свою роль блестяще, не сделав ни одной ошибки. Затем он провел мужчин в маленькую гостиную, где шкаф с подсвеченными кристаллами имел огромный успех. Я отправился вслед за ними, сел в кресло, стоявшее в углу, и слушал их болтовню, но не пришел ни к каким выводам, кроме одного: если я сейчас не поднимусь к себе, то потом уже не дойду. Пробило одиннадцать, а у меня был тяжелый день.

Когда я вышел, Чарлз даже не повернул головы.

Полчаса спустя, когда гости разошлись по своим комнатам, он заявился ко мне и спокойно направился к кровати. Я лежал в рубашке и брюках на одеяле, набираясь сил, чтобы окончательно раздеться.

Он смотрел на меня и улыбался:

– Ну, что скажешь?

– Что вы самый настоящий ублюдок!

Он расхохотался:

– Я испугался, что ты все испортишь, когда ты посмотрел на стену и увидел, что твой портрет исчез. – Чарлз стал снимать с меня ботинки и носки. – Ты был мрачен, как Берингов пролив в декабре. Пижама?

– Под подушкой.

Он помог мне раздеться. Быстрые и точные движения выдавали в нем моряка.

– Зачем вы это сделали? – спросил я.

Он подождал, пока я лег, укрыл меня одеялом и примостился на краю кровати:

– Тебе не понравилось?

– Черт возьми, Чарлз... конечно! По крайней мере вначале.

– Боюсь, что получилось гораздо гаже, чем я рассчитывал. Сейчас я расскажу, почему я это сделал. Помнишь нашу первую партию в шахматы? Когда ты разбил меня в пух и прах за несколько ходов? Знаешь, почему ты так легко выиграл?

– Вы не очень внимательно играли.

– Правильно. Я не сосредоточился потому, что не видел в тебе противника, заслуживавшего внимания. Грубая тактическая ошибка. – Он усмехнулся. – Адмиралу надо быть проницательнее. Если недооцениваешь сильного противника, оказываешься в худшем положении, чем он. Если чересчур недооцениваешь, то не готовишься к обороне и, несомненно, будешь побежден. – Чарлз немного помолчал, а потом продолжил: – Лучшая стратегия – ввести врага в заблуждение: мол, противник настолько слаб, что его не стоит принимать в расчет. Это именно то, что я сегодня сделал.

Он выжидающе глядел на меня. Через несколько секунд я спросил:

– А в какую, собственно, игру вы хотите, чтобы я сыграл с Говардом Креем?

Чарлз удовлетворенно вздохнул и улыбнулся:

– Помнишь фразу, что его интересует больше всего?

– Земля, – ответил я, немного подумав.

– Правильно. – Чарлз кивнул. – Земля. Он коллекционирует землю. Каждый кусок земли, ярды и акры земли... – Чарлз в нерешительности замолчал.

– И что дальше?

– Тебе придется играть против него ради спасения ипподрома Сибири.

У меня перехватило дыхание от грандиозности задуманной Чарлзом партии.

– Что? – недоверчиво переспросил я. – Не говорите глупостей. Ведь я всего лишь...

– Заткнись, – перебил он меня. – И слушать не хочу, будто ты «всего лишь». Ты умный, хочешь поспорить? Разве ты не работаешь в детективном агентстве? Разве ты хочешь, чтобы Сибири закрылся? Почему бы тебе не сделать ради него что-нибудь полезное?

– Но насколько я понял из того, что вы сказали, он готов предложить большую сумму. И вам нужен могущественный местный деятель, который выступит против него, а не я.

– С могущественными городскими деятелями он держится на чеку, а тебя он совсем не боится.

Я перестал спорить. Серьезность предлагаемого дела сделала несущественным мое мнение о собственной незначительности.

– Вы уверены, что он охотится за Сибири?

– Кто-то охотится, – ответил Чарлз. – В последнее время акции компании, владеющей ипподромом, очень активно продавали и покупали, и цена их сильно выросла, хотя в этом году акционерам не платили дивиденды. Мне об этом рассказал директор-распорядитель комитета по скачкам. Он утверждает, что стюарды Сибири очень обеспокоены. По бумагам там нет большой концентрации акций в руках одного владельца. Правда, в Данстейбле тоже не было держателя крупного пакета акций. Но когда пришло время голосования по вопросу, стоит ли продавать землю ипподрома под застройку, то оказалось, что больше двадцати процентов акционеров – агенты Крея. Он перетянул на свою сторону других держателей акций, и старейший ипподром Британии был отдан под застройку.

– Хотя дело выглядело законным?

– Да. Нечестным, но законным. И очень похоже, что такая же судьба ждет Сибири.

– Но как же ему помешать, если сделка законна?

– Может быть, ты попытаешься?

Я молча смотрел на Чарлза. Он встал и аккуратно поправил одеяло.

– Жаль, если Сибири последует за Данстейблом.

Чарлз взялся за ручку двери.

– Какое отношение имеет ван Дизарт к этому делу? – спросил я.

– О, никакого. – Чарлз обернулся. – Я встретил их недели две назад. Они приехали в гости из Южной Африки, поэтому я был уверен, что они не знают тебя. А мне нужна была миссис ван Дизарт. У нее язык как у гремучей змеи. Я знал, что она поможет мне разорвать тебя в клочья. – Он усмехнулся. – Счастлив заметить, она устроила тебе ужасный уик-энд.

– Весьма благодарен. – Я саркастически кивнул с подушки.

– Меня очень беспокоило, что Крей может узнать твое лицо. Но вроде бы он не узнал, и тогда все в порядке. За весь вечер я ни разу не упомянул твоей фамилии, ты заметил? Я старался быть очень осторожным. – Чарлз довольно улыбнулся. – Крей не знает, что моя дочь замужем за Сидом Холли. Я несколько раз давал ему повод поговорить об этом, но убедился, что он не знает. Ведь если бы он понял, что ты Сид Холли, то мой план полетел бы ко всем чертям. А теперь Крей убежден, что ты жалкое ничтожество, – с удовлетворением закончил Чарлз.

– Почему вы не сказали мне об этом раньше? – спросил я. – К примеру, когда оставили книгу о коммерческом законодательстве? Или вечером, когда я вернулся после опознания тела Эндрюса? Я мог бы подготовиться к обеду.

Он улыбнулся и открыл дверь. Глаза снова пустые.

– Спи хорошо. Спокойной ночи, Сид.

На следующее утро Чарлз повез мужчин на охоту, а Виола отправилась с дамами в Оксфорд сделать покупки и посмотреть выставку венецианского стекла. Я воспользовался случаем, чтобы как следует изучить спальню Крея.

Я пробыл там, наверно, минут десять, когда мне вдруг пришло в голову, что два года назад у меня бы и мысли не возникло обыскивать чужие комнаты. Сейчас это было для меня естественным делом и не вызывало особых сомнений. Я язвительно усмехнулся. Очевидно, даже пустое сидение в детективном агентстве меняет точку зрения. Больше того, я понял, что провожу обыск методически и очень осторожно, чтобы не оставить следов. И почему-то меня это очень обеспокоило.

Разумеется, я не искал ничего специально: просто пытался немного постичь характер семьи Крей. В глубине души я еще даже не решил, принимаю ли вызов, брошенный Чарлзом. Но между тем я продолжал обыск и делал его тщательно.

У Говарда Крея была малиновая пижама с инициалами, вышитыми белым на кармане. Халат из малиновой парчи с черным стеганым воротником и черными кистями на поясе. Его бесчисленные, витиевато украшенные туалетные принадлежности лежали в большом несесере, который он оставил в примыкавшей к спальне ванной, и для каждого флакона или щетки было предусмотрено свое отделение. Он пользовался хвойным лосьоном после бритья, пропитанными одеколоном салфетками, лимонным кремом для рук и специальным маслом для волос, все в хрустальных флаконах с золотыми крышками. Еще там были лечебное мыло, зубная паста, приготовленная по специальному рецепту, пудра в позолоченной коробочке, дезодорант и электрическая бритва, похожая на сверхзвуковую ракету. У него были вставные зубы, и в несесере лежал запасной протез. Он привез с собой полкоробки фруктовых слабительных солей, эликсир для полоскания рта, антисептические присыпки для ног, пенициллиновые таблетки на случай, если заболит горло, карандаш для прижигания прыщей, таблетки для пищеварения и раствор для промывания глаз. Все для красоты тела, наружной и внутренней.

Его одежда, включая жилеты и кальсоны, была сделана на заказ, и он привез с собой все, что может понадобиться во время уик-энда в деревне. Я проверил карманы смокинга и еще трех костюмов, висевших рядом, но Крей был аккуратным человеком, и карманы оказались пустыми, кроме нагрудных, где в каждом лежала пилочка для ногтей. Шесть пар различных ботинок: все сделаны на заказ и все абсолютно новые. Я заглянул в каждый и ничего там не нашел.

В комод я обнаружил набор аккуратно сложенных галстуков, носовых платков и носков – все исключительно дорогое. В тяжелой резной серебряной шкатулке хранились запонки и булавки для галстуков, в основном золотые. Он не носил ювелирных украшений, но в одной паре красивых запонок поблескивал камень – как я сразу угадал, тигровый глаз. И щетка для волос была инкрустирована дымчатым резным кварцем. В ней застряло несколько седеющих темно-русых волос.

Оставался только багаж – четыре огромных чемодана, аккуратно уложенные в ряд возле гардероба. Я открыл каждый из них. Пусто. Только в самом маленьком лежал коричневый кейс из телячьей кожи. Я осторожно осмотрел его, прежде чем открыть. Но вроде бы Крей не оставлял полосок бумаги, волос или других сигнальных устройств, по которым можно было бы судить, пытался ли кто-нибудь сунуть сюда нос в его отсутствие.

Я вынул кейс и положил на одну из кроватей. Он был заперт, но я давно научился преодолевать такие помехи. Угрюмый отставной сержант полиции, ныне агент Рэднора, вернувшись с задания в офис, давал мне уроки открывания замков. За это я слушал жалобы на то, как лондонская копоть вредит его хризантемам. То, что у меня была одна рука, лишь раздражало его, и сержант изобрел новые приемы и специальные инструменты лично для меня. А совсем недавно он подарил мне коллекцию прекрасно сделанных отмычек, которые отобрал у взломщика. Сержант убедил меня всегда носить их с собой, и теперь они лежали в моей комнате. Я принес их и без труда открыл кейс.

Кейс был сложен так же аккуратно, как и прочие вещи Крея, и я действовал с особой осторожностью, чтобы не изменить положения и порядка бумаг. Внутри я нашел несколько

писем от биржевого маклера, стопку отчетов о движении продаваемых и покупаемых акций, различные разрозненные заметки и несколько отпечатанных листов, на которых стояло вчерашнее число. Они были посвящены подробному анализу его вложений. Похоже, что Крей был богатым человеком, совершавшим много сделок по купле и продаже. Он вкладывал деньги в нефть, шахты, в недвижимость и покупал акции промышленных предприятий. На отдельном листе, озаглавленном просто «И. С.», перечислялись все сделки по покупке акций. Против каждого приобретения стояло название и адрес банка. Некоторые названия повторялись по три-четыре раза, другие – только по одному.

Под бумагами, почти на самом дне кейса, лежал толстый коричневый конверт, и в нем – две толстые пачки новых десятифунтовых банкнотов. Я не стал их пересчитывать, но вряд ли в пачках было меньше ста купюр. Под конвертом я увидел доску-подставку для письма с золотыми уголками. Зажим в виде крокодила удерживал белую промокательную бумагу, которой уже пользовались. Под доской я нашел еще два листа, покрытых датами, инициалами и цифрами выплаченных сумм.

Я сложил бумаги так, как они лежали прежде, запер кейс, спрятал его в чемодан, проверил, чтобы все выглядело так же, как в тот момент, когда я вошел в спальню Креев.

Божественная Дория не разделяла страсти мужа к аккуратности. Ее вещи валялись в непринужденном беспорядке, поэтому трудно было не поменять их положения. Но с другой стороны, она, в отличие от мужа, вряд ли заметит, если что-нибудь окажется не на месте.

Платья, хоть и дорогие, она покупала готовыми, а не шила на заказ и обращалась с ними небрежно. Ее туалетные принадлежности хранились в пластиковой сумочке на молнии и состояли из зубной щетки, шампуня и флакончика с тальком. Просто чепуха по сравнению с коллекцией Говарда. Никаких лекарств. Спала она, судя по всему, голой, а красивый белый стеганный халат висел на вешалке у дверей ванной на петле от пуговицы.

Она еще даже не распаковала свои вещи. В чемоданах и сумках, которые открытыми валялись на полу и стульях, лежало белье и такие предметы дамского туалета, которых я не видел с тех пор, как ушла Дженни.

На туалетном столике, хотя горничная, видимо, старалась по возможности прибрать его, царил хаос. Баночки с кремами, флаконы с духами, лаки для волос, коробка с бумажными салфетками, сумка с косметикой – все это в беспорядке громоздилось перед зеркалом, отражаясь в нем. Чемоданчик из крокодиловой кожи с золотыми застежками стоял на полу. Я поднял его и положил на кровать. Он был заперт, я открыл его и заглянул внутрь.

Дория была та еще дамочка. Она владела двумя парами накладных ресниц, коробкой с накладными ногтями и пучком волос, которые на обруче из панциря черепахи дополняли ее прическу. В единственной аккуратной вещи из всего багажа – большой шкатулке с драгоценностями – в одном отделении хранились серьги с сапфирами и бриллиантами, которые она надевала вчера вечером, бриллиантовая брошь в виде солнца с расходящимися из центра лучами и кольцо с сапфиром; в другом – ожерелье, браслет, серьги, брошь и кольцо из золота и платины с цитрином. Все украшения необычные, варварские по рисунку и, несомненно, изготовленные специально для нее.

Под драгоценностями лежали четыре романа в бумажных обложках, судя по всему порнографические, что невольно вызывало сомнение в способностях Крея как любовника. Дженни утверждала, что по-настоящему удовлетворенной женщине нет необходимости читать о грязном сексе. У Дории такая необходимость явно была.

Рядом с книгами лежал дневник в толстом кожаном переплете, в котором красивая миссис Крей признавалась в не совсем обычных мыслях. Похоже, что ее жизнь была такой же хаотичной, как и одежда: смесь принятого в обществе поведения, фантастических мечтаний и извращенных супружеских отношений. Если верить ее дневнику, то она и Говард получали более глубокое сексуальное наслаждение от того, что он бил ее, чем от нормального любовного

акта. Хорошо, что это устраивало их обоих. Несколько случаев развода, которыми занималось агентство Рэднора, было связано с тем, что один из партнеров получал сексуальное удовлетворение, причиняя боль другому, у которого это вызывало протест.

На дне шкатулки я нашел еще два интересных предмета. Первый – кожаная плетка в коричневом бархатном мешке, о назначении которой легко было догадаться, учитывая дневник. И второй – пистолет в коробке из-под шоколада.

Глава 4

Вызвав по телефону такси, я поехал в Оксфорд покупать фотоаппарат. Хотя в субботний полдень в магазине было много покупателей, парень, обслуживавший меня, так неторопливо подбирал камеру для однорукого фотографа, словно у него в запасе была целая геологическая эпоха. Мы вместе выбрали миниатюрный немецкий шестнадцатимиллиметровый аппарат длиной три дюйма и шириной полтора дюйма. Я мог с легкостью держать его одной рукой и пальцем нажимать кнопку.

Продавец научил меня пользоваться фотокамерой, вставил пленку, на которую можно было снимать при искусственном свете, и положил аппарат в черный футляр, такой маленький, что он даже не выпирал из кармана. Парень также предложил зайти к нему, если я не сумею перезарядить пленку. Мы расстались почти друзьями.

Когда я вернулся, вся компания уютно сидела у камина в маленькой гостиной и ела сдобные пышки. Очень мучительно и соблазнительно: я так любил сдобные пышки.

Никто не обратил на меня внимания, кроме миссис ван Дизарт, которая тут же начала выпускать коготки. Она несколько раз злобно куснула нахлебников, которые ради денег женятся на богатых. Чарлз не возразил ей, что, дескать, его зять не относится к их числу. Виола встревоженно взглянула на меня и озабоченно открыла рот. Я быстро подмигнул ей, и она облегченно вздохнула.

Из разговора я понял, что утренняя добыча охотников состояла из стандартного набора: пары фазанов, пяти диких уток и одного зайца. Чарлз предпочитал бестолковой стрельбе в собственных угодьях охоту с загонщиками в специально созданных для этого хозяйствах. Дамы вернулись из Оксфорда с плохим мнением о тамошних продавцах и с буклетом о производстве стекла в Италии пятнадцатого века. Нормальный уик-энд в деревне. Этой мирной обстановке совсем не соответствовали моя задача и игра, затеянная Чарлзом, в которую он втянул и меня.

Крей не мог оторвать глаз от полки с кристаллами. Снова пришлось открыть дверки шкафа. Устроенная Чарлзом подсветка кварцев сработала на все сто. Один за другим он вынимал образцы, они переходили из рук в руки под восторженные возгласы гостей. Крей долго разглядывал каждый камень и нехотя расставался с ними. Миссис ван Дизарт особенно привлёк красивый кристалл розового кварца. Она гладила пальцами его гладкую поверхность, играла с ним, кристалл искрился на свету и пускал зайчики.

– Рекс, ты должен собрать для меня такую коллекцию! – приказала она, невольно выдав, что под ее сдобностью и пухлостью скрывается железный характер. И Рекс послушно кивнул, в свою очередь продемонстрировав, кто в этом доме хозяин.

– Знаете, Роланд, – говорил Крей, – здесь собраны по-настоящему великолепные, замечательные образцы. Лучшие среди тех, которые мне доводилось видеть. Ваш кузен, должно быть, был исключительно удачливым и влиятельным человеком, если ему удалось найти так много великолепных кристаллов.

– Да, именно таким он был, – спокойно согласился Чарлз.

– Я буду очень заинтересован, если вы надумаете продать эти кварцы... Надеюсь, вы предоставите мне право первого выбора?

– В любом случае первый выбор ваш, – улыбнулся Чарлз. – Но, уверяю вас, я не собираюсь продавать их.

– Боже мой, так вы говорите сейчас. Я попытаюсь убедить вас позже. Но не забудьте: первый выбор за мной.

– Конечно, – подтвердил Чарлз. – Даю слово.

Крей улыбался камню, который держал в руках, роскошному кристаллу аметиста, похожему на окаменевший букет фиалок.

– Смотрите, чтобы этот аметист не упал в огонь, а то он пожелтеет.

И Крей уморил всех лекцией об аметистах, которая могла бы быть интересной, если бы он попытался говорить проще. Но затуманивать смысл ненужными словами стало у него привычкой или политикой. Пока я еще не понимал, зачем это ему.

– ...Конечно, в Южной Америке или в России марганец встречается в жеодах или агатовых конкрециях, а в связи с их широким распространением в мире естественно ожидать, что в первобытных обществах им приписывали сверхъестественные свойства...

Внезапно я почувствовал на себе его взгляд, а на лице у меня, в чем я не сомневался, отражалось отнюдь не восторженное внимание. Скорее насмешливый сарказм. Это ему не понравилось. В глазах его мелькнул гнев.

– Очень симптоматично, что трущобный склад ума, – прервал он свою лекцию, – насмехается над тем, что не в состоянии понять.

– Сид! – сердито воскликнул Чарлз, бессознательно выдавая мое имя. – По-моему, вам есть чем заняться! До обеда вы свободны.

Я встал. Разумеется, во мне вспыхнуло раздражение, но я не позволил ему вырваться на свободу. Стиснув зубы, я проворчал:

– Вот и хорошо.

– Прежде чем вы уйдете, Сид, – проворковала миссис ван Дизарт, утопая в мягких подушках, – Сид, какое восхитительное плебейское имя, вам так подходит... Пожалуйста, возьмите у меня эти кристаллы и поставьте их на стол.

Она протянула мне две руки. В каждой было по камню, а третий едва держался сверху. Мне не удалось удержать их, и они упали.

– Ох боже мой! – воскликнула миссис ван Дизарт приторным голосом, когда я, опустившись на колени, подбирал камни и по одному клал на стол. – Я совсем забыла, что вы калека! Ах, какая глупость с моей стороны! – Конечно, она не забыла, а заранее придумала повод для своей маленькой лекции. – А вы пытались как-нибудь улучшить состояние больной руки? Вам бы следовало делать упражнения, они очень полезны и доставили бы вам удовольствие. Все, в чем вы нуждаетесь, – это настойчивость. Вы должны сделать это ради адмирала, почему бы вам не попытаться?

Я ничего не ответил, и у Чарлза хватило соображения ничем себя не выдать.

– Я знаю очень хорошего специалиста, сейчас он живет недалеко отсюда, – продолжала миссис ван Дизарт. – У нас, в Южной Америке, он работал на армию... и отлично умел возвращать симулянтов на службу. Он именно тот человек, который вам нужен. Как вы думаете, адмирал, не устроить ли мне встречу вашего зятя с ним?

– Э-э-э, – промычал Чарлз, – не уверен, что это поможет.

– Глупости. – Миссис ван Дизарт лучилась энтузиазмом. – Не можете же вы содержать его и позволять ему ничего не делать всю оставшуюся жизнь. Хороший курс лечения, и больше ему ничего не надо. – Она обернулась ко мне. – А теперь, чтобы я знала, о чем говорю, когда буду объяснять врачу, покажите мне вашу драгоценную руку.

Наступило молчание. Я чувствовал их ощупывающие взгляды, их недружелюбное любопытство.

– Нет, – холодно произнес я. – Извините, но нет.

Уже в дверях меня догнал ее голос:

– Видите, адмирал, он не хочет лечиться, потому что не хочет работать. Все они одинаковы...

Я лег и несколько часов перечитывал книгу о коммерческом законодательстве. Сейчас меня особенно интересовала глава, касающаяся захвата компаний. Теперь читать было легче, чем в больнице, потому что я знал, зачем мне это нужно, хотя глава и показалась более запутанной, чем раньше. Если стюарды Сибири озабочены происходящим, им надо нанять специ-

алиста, который так же знает рынок акций, как я знаю скаковые дорожки Сибири. Чарлз явно выбрал не того человека, чтобы остановить Крея. Если вообще кто-то может его остановить. И все же... Я уставился в потолок, закусив нижнюю губу. И все же... Мне в голову пришла безумная идея.

Виола постучала и открыла дверь:

– Сид, дорогой, ты хорошо себя чувствуешь? Могу я что-нибудь для тебя сделать?

Она закрыла дверь, ласковая, добрая, озабоченная.

Я сел и спустил ноги с кровати.

– Спасибо, со мной все в порядке. Мне ничего не надо.

Она присела на стул у кровати и посмотрела на меня добрыми, чуть печальными карими глазами. Потом заговорила, слегка задыхаясь:

– Сид, почему ты позволяешь Чарлзу так ужасно говорить о тебе? Едва ты ушел, они, ох, так хихикали за твоей спиной... Чарлз и эта чудовищная миссис ван Дизарт... Что между вами произошло? Когда ты лежал в больнице, он беспокоился о тебе, словно о собственном сыне. А сейчас он так жесток и так ужасно несправедлив...

– Дорогая Виола, не беспокойтесь. Это всего лишь игра, которую придумал Чарлз, а я помогаю ему.

– Да, – кивнула она. – Чарлз предупреждал меня, что вы собираетесь создать дымовую завесу и что он рассчитывает на меня: за весь уик-энд я не должна сказать ни единого слова в твою защиту. Это правда? Когда Чарлз говорил о твоей бедной матери и я увидела твое лицо, то сразу поняла: ты не знал, что он намерен делать.

– Это было так заметно? – огорченно воскликнул я. – Мы не ссорились, даю вам слово. Но вы выполнили все, о чем он просил? Пожалуйста, не упоминайте при них о... более успешном периоде моей жизни или о том, что я работаю в агентстве и получил пулю в живот. Сегодня, во время поездки в Оксфорд, вы ничего им не сказали? – обеспокоенно спросил я.

Она покачала головой:

– Я решила, что сначала поговорю с тобой.

– Правильно, – улыбнулся я.

– Ну и ну, – с облегчением, но озадаченно вздохнула Виола. – Чарлз просил разбудить тебя и уговорить спуститься к обеду.

«Ах, он просил, – иронически подумал я. – Просил? После того как бесцеремонно выпроводил меня из гостиной? Он дождется, что я пошлю его к черту».

– Хорошо, передайте Чарлзу, что я спущусь к обеду при условии, что потом он устроит общую игру, но исключит меня.

Обед походил на испытательный полигон: копченый лосось, фазаны и травля Сиды, которой гости наслаждались больше всего. Чета Крей по одну сторону от Чарлза и пухленькая гарпия – по другую достигли невиданных высот в скромном воскресном развлечении: мучить выбранную жертву. Я искренне надеялся, что Чарлз такого не предполагал. Но он выполнил свою часть условия и после кофе, бренди и очередного осмотра кварцев в столовой повел гостей в маленькую гостиную и усадил за стол для игры в бридж. Гости увлеклись игрой, а я поднялся наверх, взял кейс Крея и принес в свою комнату.

Пришлось сфотографировать каждую бумагу из кейса, потому что вряд ли еще раз появится такая возможность, а мне не хотелось потом жалеть об упущенном шансе. Все письма биржевого маклера, все отчеты о вложении капитала и о движении акций и два отдельных листа с датами, инициалами и суммами.

Хотя горела очень яркая лампа и я пользовался экспонометром, подбирая выдержку, каждую бумагу пришлось снимать несколько раз для того, чтобы быть уверенным в результате. Маленький аппарат работал безупречно, и оказалось, что я сам без особого труда могу перезаряжать пленку. Я отснял три пленки по двадцать кадров в каждой. На это ушло много времени.

С безумной надеждой, что Говард Крей не проиграется до пенни и не поднимется наверх за деньгами, я взялся за конверт с десятифунтовыми купюрами. У меня мелькнула мысль, что смешно фотографировать деньги, но все же я их снял. Новые банкноты, по пятьдесят в каждой пачке. Тысяча фунтов стерлингов.

Положив бумаги на место, я сел и с минуту смотрел на них, проверяя, так ли все выглядело, когда я увидел кейс в первый раз. Проверка удовлетворила меня. Я закрыл кейс, запер, стер отпечатки моих пальцев, отнес его назад и положил на место.

После этого я спустился в столовую, чтобы выпить бренди, от которого отказался за обедом. Теперь мне надо было выпить. Проходя мимо маленькой гостиной, я слышал бормотание голосов и шлепанье карт об стол. Поднявшись к себе, я тотчас отправился в постель.

Лежа в темноте, я обдумывал ситуацию. Говард Крей клюнул на приманку – коллекцию кварцев – и принял приглашение отставного адмирала провести спокойный уик-энд в деревне. Он привез с собой некоторые личные бумаги. Поскольку у него не было причины подозревать, что в таком невинном окружении кто-то будет следить за ним, бумаги должны быть действительно очень личными. Такими личными, что он чувствует себя безопаснее, когда они при нем? Чересчур личными, чтобы оставить дома? Приятно было бы думать, что так оно и есть.

На этой мысли я незаметно уснул.

Боль в животе разбудила меня. Часов пять я безуспешно пытался забыть о ней и снова заснуть, но потом, решив, что все утро валяться в постели нехорошо, встал и оделся. Почти против собственной воли я потащился по коридору к комнате Дженни и вошел в нее. Маленькая солнечная детская, где она выросла. Когда Дженни оставила меня, она вернулась сюда и жила здесь одна. Я никогда не спал в этой комнате. Узкая постель, реликвии детства. Девичьи оборки на муслиновых занавесках, туалетный стол – мне здесь места не было. На всех стенах фотографии: отца, покойной матери, сестры, зятя, собак и лошадей – кого угодно, кроме меня. Насколько смогла, она вычеркнула из памяти наш брак.

Я медленно обошел детскую, трогая вещи, вспоминая, как любил ее, и сознавая, что пути назад нет. Если бы в этот момент она неожиданно вошла, мы бы не бросились друг другу в объятия и не помирились бы, утонув в слезах.

Взяв в руки одноглазого медведя, я присел в розовое кресло. Трудно сказать, когда наш брак дал трещину. Потому что лежащие на поверхности причины не всегда истинны. Повод для наших ссор всегда бывал один и тот же – мое честолюбие. Когда я в конце концов вырос и стал слишком тяжелым для скачек без препятствий, то переключился на стипль-чез. Это случилось за сезон до нашей свадьбы, и я хотел стать в стипль-чезе чемпионом. Для достижения этой цели мне полагалось мало есть, почти не пить, рано ложиться спать и не заниматься любовью накануне соревнований. К несчастью, Дженни больше всего на свете любила далеко за полночь засиживаться в гостях и танцевать. Вначале она охотно отказывалась от любимых удовольствий, потом менее охотно и наконец с возмущением. В конце концов Дженни стала ходить в гости одна.

Перед расставанием Дженни сказала, что я должен выбрать: или она, или скачки. Но я действительно стал чемпионом и не мог сразу бросить стипль-чез. Тогда Дженни ушла. По иронии судьбы через полгода я потерял и скачки. Лишь постепенно я осознал, что люди не расходятся только потому, что один любит компанию, а другой – нет. Сейчас я думал, что страсть Дженни к развлечениям была результатом того, что я не мог дать ей чего-то основного, что было ей необходимо. И эта мысль совсем не прибавляла мне ни самоуважения, ни уверенности в себе.

Я вздохнул, встал, положил на место одноглазого медвежонка и спустился в гостиную. Одиннадцать часов ветреного осеннего утра.

В большой уютной комнате была только Дория. Она сидела на подоконнике и читала воскресные газеты, валявшиеся вокруг нее на полу в ужасном беспорядке.

– Привет. – Она взглянула на меня. – Из какой дыры вы выползли?

Ничего не ответив, я подошел к камину.

– Чувствительный маленький человек все еще обижен?

– У меня такие же чувства, как и у любого другого.

– Так вы и на самом деле умеете говорить? – насмешливо удивилась она. – А я уже начала сомневаться.

– Умею.

– Ну тогда расскажите мне, маленький человек, о своих неприятностях.

– Жизнь – всего лишь чашка с вишнями, – скучным голосом объявил я.

Спрыгнув с подоконника, Дория подошла к огню. В узких, в обтяжку, брюках с рисунком под шкуру леопарда и в черной шелковой, мужского покроя рубашке она вопиюще не соответствовала окружающей обстановке.

Дория была такого же роста, как Дженни, и такого же роста, как я, – пять футов и шесть дюймов⁴. Мой маленький рост всегда считался ценным качеством для скачек. И я никогда не смотрел на него как на помеху в жизни, ни в личной, ни в общественной, и никогда не понимал, почему многие думают, что рост сам по себе очень важен. Но было бы наивностью не замечать, что широко бытует мнение, будто ум и сердце соответствуют росту: чем выше, тем достойнее. Человек маленького роста с сильными чувствами всегда воспринимается как фигура комическая. Хотя это совершенно неразумно. Какое значение для характера имеют три-четыре лишних дюйма в костях ноги? Наверно, мне повезло: из-за трудного детства и плохого питания я рано понял, что буду маленьким, и больше не задумывался над этим, хотя и понимал, почему невысокие мужчины так агрессивно защищают свое достоинство. К примеру, девушки типа Дории постоянно пускают шпильки, и когда они называют человека маленьким, то рассчитывают его оскорбить.

– Нашли себе здесь тепленькое местечко, маленький человек, да? – Она достала сигарету из серебряного портсигара, лежавшего на каминной полке.

– Да.

– На месте адмирала я бы вышвырнула вас вон.

– Спасибо. – Я не сделал даже попытки зажечь для нее спичку. Дория сама нашла коробок и прикурила.

– Вы чем-то больны или что?

– Нет. С чего вы взяли?

– Вы едите какую-то чудную пищу и выглядите таким болезненным маленьким червячком... Очень интересно. – Она выпустила дым через ноздри. – Дочери адмирала, наверно, смертельно понадобилось обручальное кольцо.

– Воздадим ей должное, – спокойно проговорил я. – По крайней мере, она не подцепила богатого папашу вдвое старше себя.

На мгновение я подумал, что она, как в романах, которые читает, залепит мне пощечину, но в одной руке она держала сигарету, а другой могла не дотянуться. Вместо пощечины она сказала:

– Ах ты, дерьмо.

Очаровательная девушка Дория.

– Ничего, кое-как справляюсь.

– Но не со мной, понял?

Лицо у нее пошло пятнами. Видимо, я задел ее больной нерв.

⁴ Около 167 см.

– Где остальные? – Я обвел взглядом пустую гостиную.

– Уехали куда-то с адмиралом. И ты убирайся тоже. Нечего тебе здесь делать.

– И не подумаю. Я здесь живу, вы забыли?

– А вчера ты быстро слинял, – фыркнула Дория. – Когда адмирал говорит: «Прыгай!» – ты прыгаешь. Ну-ка, валяй. Мне приятно глядеть, как ты будешь улепетывать.

– Адмирал, – нравоучительно произнес я, – рука, которая кормит. Я не кусаю руку, дающую хлеб.

– Маленький червяк ботинки готов лизать адмиралу.

Я неприятно ухмыльнулся и уселся в кресло, потому что не очень хорошо себя чувствовал. Если быть точным, я чувствовал себя как гороховое пюре. От слабости меня бросило в пот. Но тут ничего не поделаешь, надо посидеть и подождать, пока пройдет.

Дория стряхнула пепел и посмотрела на меня свысока, примеряясь к следующей атаке. Но она не успела ничего придумать, как дверь отворилась и на пороге появился ее муж.

– Дория, – радостно воскликнул он, не сразу заметив меня в кресле, – куда ты спрятала мой портсигар? Я отхлещу тебя плеткой, хочешь?

Она быстро показала рукой на кресло. Говард увидел меня и замолчал. Потом резко бросил:

– Что вы тут делаете? – Ни в голосе, ни в лице его не осталось и капли игривости.

– Убиваю время.

– Убирайтесь. Я хочу поговорить с женой.

Я покачал головой и остался сидеть.

– Он не понимает по-хорошему, – вмешалась Дория. – Я уже пыталась. Остается только взять его за шиворот и вышвырнуть вон.

– Если Роланд терпит его, – пожал плечами Крей, – то и мы, по-моему, можем потерпеть.

Он поднял с пола газету и сел в кресло напротив меня. Дория, надувшись, снова взобралась на подоконник. Крей принялся читать новости на первой полосе. С последней же, посвященной скачкам, прямо на меня выпрыгнули огромные буквы заголовка:

ВТОРОЙ ХОЛЛИ?

А под ним – две фотографии: моя и какого-то мальчика, который вчера выиграл главный заезд.

Крей не должен ни в коем случае понять, что Чарлз обманул их, представив меня совсем другим. Дело зашло слишком далеко, чтобы объяснить все шуткой. Фотография в газете была очень четкой – старый снимок, который я хорошо знал. Газеты и раньше несколько раз использовали его, потому что на нем я очень похож сам на себя. Даже если никто из гостей не прочтет колонку о скачках, как, очевидно, не прочла ее Дория, фотография на таком видном месте может броситься в глаза.

Крей закончил читать первую полосу и стал переворачивать листы.

– Мистер Крей, – начал я, – у вас большая коллекция кварцев?

– Да.

Он немного опустил газету и равнодушно взглянул на меня.

– Не могли бы вы оказать мне любезность и посоветовать, какой хороший образец не мешало бы добавить в коллекцию адмирала? Где я мог бы достать его и сколько он должен стоить?

Он сложил газету, закрыв мой портрет, и с напускной вежливостью приступил к лекции о некоторых малоизвестных видах кварцев, которых нет у адмирала. Я подумал, что задел нужную струну... Но Дория все испортила. Она сердито подошла к мужу и резко перебила его:

– Говард, ради бога!.. Маленький червяк зачем-то умасливает тебя. Ему что-то надо, держу пари. Тебя любой одурачит, стоит заговорить об этих камнях.

– Меня никто не может одурачить, – спокойно проговорил Крей, но глаза у него сузились от раздражения.

– Мне хочется сделать адмиралу приятное, – пояснил я.

– Это скользкое маленькое чудовище, – настаивала Дория. – Он мне не нравится.

Крей пожал плечами, посмотрел на газету и начал снова разворачивать ее.

– Взаимно, папочкина куколка, – небрежно произнес я.

Крей медленно встал, газета упала на пол, вверх первой полосой.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что невысокого мнения о вашей жене.

Он пришел в ярость и стал самим собой. Крей сделал всего один шаг по ковру, и вдруг в комнате запахло чем-то гораздо более серьезным, чем ссора у камина трех гостей в воскресное утро. Маска холодного вежливого безразличия исчезла, а вместе с ней слетело и фальшивое напускное благородство. Смутные подозрения, которые появились у меня, когда я читал его бумаги, теперь оформились в запоздалое открытие: это не ловкий спекулянт, действующий на грани закона, а мощный, опасный, крупный мошенник в расцвете сил.

Надо же было мне ткнуть палкой в муравейник и найти там осиное гнездо! Схватить за хвост ужа и вытащить удава! Интересно, что он сделает с человеком, который перебежит ему дорогу, а не просто с пренебрежением отзовется о его жене?

– Он вспотел, – с удовольствием объявила Дория. – Червяк тебя боится.

– Встать, – приказал Крей.

Я был уверен, что, если встану, он одним ударом свалит меня на пол, поэтому остался сидеть.

– Приношу свои извинения, – сказал я.

– Ну уж нет, – запротестовала Дория, – этого недостаточно!

– Вынь руку из кармана, когда разговариваешь с дамой! – рявкнул Крей, глядя на меня сверху вниз.

Они оба прочли по моему лицу, что мне это очень неприятно, и на их лицах отразилось удовольствие. Я подумал о бегстве, но это означало бы оставить им газету.

– Ты плохо слышишь? – поинтересовался Крей.

Нагнувшись, одной рукой он схватил меня за грудки, другой – за волосы и поставил на ноги. Макушка моей головы доставала ему до подбородка. Я был не в той физической форме, чтобы сопротивляться, но, когда он поднимал меня, вяло ткнул его кулаком в грудь. Дория схватила мою руку, завернула за спину и больно прижала. Ничего не скажешь – здоровая, сильная женщина, без предрассудков насчет того, что нельзя причинять людям боль.

– Это научит его вежливости. – Дория казалась удовлетворенной.

Мне хотелось лягнуть ее в голень, но это вызвало бы незамедлительное возмездие.

Крей отпустил мои волосы и схватил за левую руку. Рука не действовала, но я попытался сделать все, что смог, – выставил локоть, и рука осталась в кармане.

– Держи его крепче, – приказал Крей Дории, – он сильнее, чем выглядит.

Она еще на дюйм загнула мне руку, а я стал извиваться, чтобы освободиться. Крей все еще держал меня за рубашку и локтем давил на горло. Я оказался зажатым между ними.

– Смотри-ка, он корчится, – обрадовалась Дория.

Я извивался и боролся, пока они совсем не озверели и не начали душить меня. Я задышался. Борьба закончилась в их пользу, когда моя рана в животе так разболелась, что я не мог продолжать сопротивления. Одним рывком Крей вытащил мою руку из кармана:

– Вот так!

Потом он схватил меня за локоть и задрал рукав рубашки. Дория опустила мою правую руку и подошла с другой стороны, чтобы посмотреть на трофей, добытый в борьбе. Меня трясло от гнева, боли, унижения... Бог знает от чего еще.

– Ой, – выдохнула Дория.

Ни она, ни муж больше не улыбались, а молча смотрели на мою левую руку, бесполезную, дряблую, искривленную, со шрамами, идущими от локтя к запястью и ладони. Рубцы остались не только от травмы, аккуратные швы от операции пересекали руку во всех направлениях. Картина была ужасной, поистине и без сомнения.

– Так вот почему адмирал позволяет жить здесь этому маленькому гнусному чудовищу. – Дория в отвращении скривила губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.